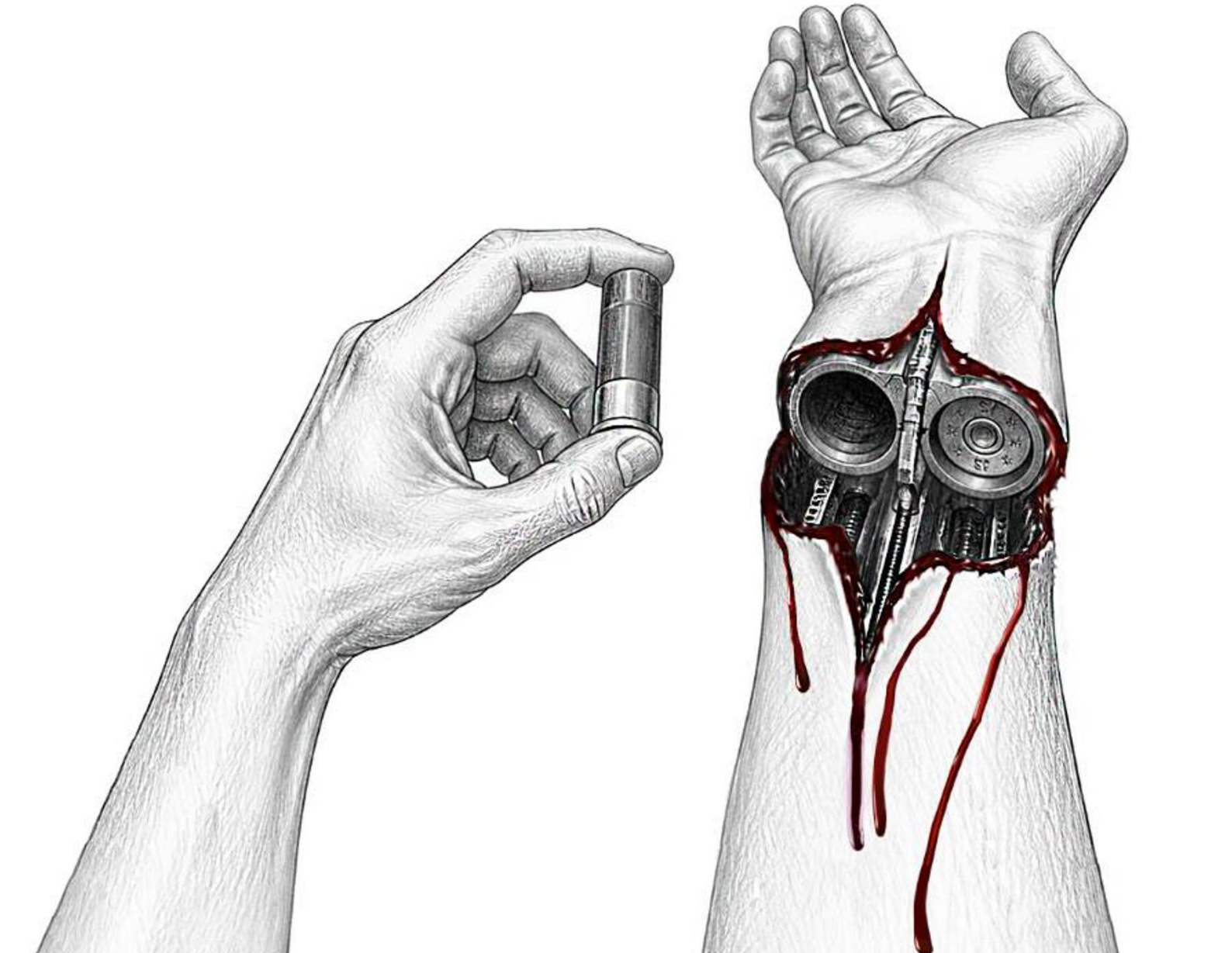
БОГДАН СИДОРОВ

УДАР И СПУСК

ПЕРЕЛОМ



Удар и спуск

Богдан Сидоров

Удар и спуск. Перелом

«Автор»
2026

Сидоров Б.

Удар и спуск. Перелом / Б. Сидоров — «Автор», 2026 — (Удар и спуск)

Интрига спала, а завеса тайны обличающе грохнулась на пьедестал человеческой жадности, ненависти, к пускай и ближнему, но имеющему задел стать конкурентом, а также непонимания сути собственного естества, разрывающегося внутри каждого человека как в сторону его амбиций, так и в направлении внутреннего спокойствия. Такой перелом рано или поздно застигнет всех нас, но оставлять его зияющим - самая непростительная ошибка. Времени для выбора мало, но торопиться с ним не стоит, ведь он бывает единожды и может напрочь отрезать вас как от прошлого, так и от желаемого вами будущего.

© Сидоров Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Приобретение 5
Дар 31
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Богдан Сидоров
Удар и спуск. Перелом

Если желаешь выйти из битвы победителем, то надейся лишь на собственные силы, а не на слабость врага.

Приобретение

- Такая бойкая девчушка, аж диву даюсь твоему прилежному обучению! - миссис Хендерсон с умилением наблюдала как маленькая гостья уплетает яблочный пирог кусочек за кусочком.

- Это все Полик. Он учится ещё лучше и заодно помогает мне. - с упоением проглотив очередную порцию гармоничной смеси теста, посыпки и яблок, Габи одарила Полика лучезарной улыбкой.

- Я...я...рад тебе помочь. - прикрывая пунцовое лицо своей порцией лакомства, Полик смущенно отвёл взгляд.

- Как поедите идите играть на улицу. Там отличная погода. - миссис Хендерсон заботливо потрепала волосы на головах подчивающейся ребятни.

- Я уже наелась! А ты? - Габи тут же соскочила со стула и устремила свой жаждущий приключений взгляд на своего менее заинтересованного компаньона.

- Да. Я тоже готов. - облизав палец, напудренный посыпкой больше остальных, Полик попытался спрыгнуть со стула.

Однако, к его удивлению, он не сдвинулся в сторону желаемого направления ни на сантиметр. Отчаянно дрыгая ногами, Полик вновь предпринял попытку слезть с злосчастного стула, но тот всей свой обивкой незримо вцепился в свой неугомонный груз. И тут заточенный мальчишка вспомнил. Недавно он и Габи неожиданным образом оказались в лесу. Подруга стоящего по стойке смирно мальчугана радостно бегала по округе и делилась наблюдениями, в то время как он сам то и делал, что кивал в ответ на её любознательные выкрики. Он не мог пошевелиться. Это вызывало в нем тусклую мешанину из чувств, хотя с виду все было в порядке. Он не чувствовал боли или сковывания и отчаянно желал сдвинуться, но лишь вертел головой.

- Полик, идем! - с задором схватив за руку своего друга, Габи едва заметно потянула его за собой.

- Скоро уже стемнеет. Поторопитесь. - провожающая детей мать постепенно начала убирать со стола.

Полик со всех сил попытался освободиться от оков мебели, но все было тщетно. В отличие от его собственных ощущений вскользь промелькнувшем воспоминании, сейчас он свободно мог двигать руками и ногами, но почему-то также не мог сдвинулся с места, на котором неведомым образом очутился до этого.

- Полик, ну хватит. Пора идти...

Полик, сконцентрировав все силы кои имелись в его детском организме, безрассудно дернулся в сторону, заодно вцепившись в осточертевший капкан. В ответ неподатливый стул, едва успев скрипнуть ножками, нехотя начал заваливаться в угоду оказанному импульсу. Полик с улыбкой на лице только через мгновение понял, что было весьма опрометчиво выбирать зоной посадки твердый пол.

***

Начав двигать языком по своей ротовой полости, Пол однозначно убедился в своём беспрекословном желании, захлестнувшим его с головой.

- В…в…воды. - размыкая практически слившиеся воедино губы, Пол сквозь болезненное наваждение все же успел понять, что его бренное тело находится в объятии одеяла, а не в каскадах жарких пустынных песков. Пускай по началу ему и казалось обратное.

Больничная койка, которая по задумке конструктора должна была блистать эргономическими удобствами, казалась Полу пыточным устройством замедленного действия. Приподнявшись на локтях в поисках живительной жидкости, чей запах так и норовил проникнуть в его ноздри, астеник резко сменил приоритеты. Причиной тому была острая боль в районе груди, которая айсбергом врезалась в его мыслительные процессы и по ощущениям, пронзила даже сердце.

Вновь прибитый к кровати адской болью Пол краем глаза заметил заветный способ подачи сигнала о помощи. Превозмогая нытье суставов, заложник ситуации тут же нажал на кнопку вызова медперсонала. Сколько могло бы длиться его ожидание было не ясно, но заботливая медсестра тут же открыла дверь в палату, словно часовой, вызванный по срочному приказу. Сама девушка была примерно одного возраста с её только-только очнувшимся пациентом. Прическа, собранная в аккуратную кубышку, не могла сокрыть красоту и блеск её чёрных волос. Рост её был чуть выше среднего и в этом не было субъективности, ведь туфельки без каблуков не могли накинуть ей желаемые сантиметры. Не смотря на полумрак и болевые ощущения, Пол не мог оторвать глаз от её лица, украшенного аккуратным носиком и слегка выделяющейся заячьей губой. Образ заботливой медсестры вызывал в нём необъяснимое чувство дежавю. Все её движение и черты казались Полу знакомыми и вызвали к внутреннему покою и уюту.

- Наконец-то ты очнулся! Я так рада! – бдительная смотрительница с присущей её профессии прытью налила стакан воды и бережно приподняла голову Пола, дабы тот наконец мог вкусить желаемое.

Пол был слегка смущен уровнем оказанной заботы, но лишь соприкоснувшись с водой он более не мог обращать внимание ни на что другое. После того, как графин опустел, а жажда осушившего его была утолена, медсестра робко присела на край кровати, где находился её дражайший пациент. Её вид не намекал на ожидание россыпи благодарностей, но и уходить она не торопилась.

- Что с тобой было? - девушка, обладающая достаточно крепким телосложением, задала, как показалось, бессмысленный вопрос.

- Я не знаю. - не обратив внимания на фривольность незнакомки, бередившей его воспоминания, Пол и сам начал задаваться полученным вопросом.

- Ты не узнал меня? - с наигранным расстройством вопросила девушка. - Ты был намного наблюдательнее в детстве.

И тут опрометчивый чурбан понял почему его сердце и разум никак не могли перестать ворошить прошлое. Это же Габи - та самая девчушка, жившая по соседству и ставшая его другом ещё со школьной скамьи. Это та самая Габи, что так любила прыгать по лужам, смеяться во весь голос и просто проводить время с Полом. Протерев глаза, введённый в курс дела приятель вытаращился на "привет из прошлого" так, словно не до конца верил в случившуюся встречу.

- Габи? Но как? Где я? Как я сюда попал? - сыпля вопросами словно мелочью из прохудившегося кошелька, Пол вновь попытался соскочить с кровати, но тут же опомнился.

- Тебя привезли сюда две недели назад. Ты был в стабильном состоянии, но проведённая над тобой операция не прошло гладко. - без использования излишних медицинских терминов Габи разъяснила последние события хлопающему глазами приятелю.

- Но я не знаю…как очутился здесь. - для дедукции не было ресурсов, ведь последнее, что помнил Пол был его приступ в доме Майстеров.

- На сколько мне известно из твоей медкарты ты потерял сознание посреди улицы и был экстренно прооперирован в больнице. - информаторша охотно поделилась всеми известными ей данными.

- Бред… - сопоставив все, сыщик распознал отсутствие лжи в словах собеседника. - Не думал, что ты работаешь так близко. Ты ведь собиралась работать заграницей.

- Пол, мы сейчас за тысячу километров от дома. - с лёгкой печалью Габи посмотрела в окно, словно выхватывая из лунного света образы из детства.

- ЧТО?! - оторвавшись от перины и гаркнув во весь голос, крикун резко прервал свой вокализ хрипом и отдающимся в его собственной голове кашлем.

- Тише. Тебе сейчас нельзя напрягаться, а уж тем более кричать. - с предусмотрительным упреком Габи тут же уложила возникателя обратно на предписанное ему место.

- Что-то странное творится. Ты был доставлен посреди ночи, когда я была на дежурстве. Я сразу тебя узнала, но сомневалась, ведь хватило же тебе ума сменить имя. - цокнув, Габи поправила край одеяла обхаживаемого больного.

Но это было тщетно. Удерживая в голове идею фикс, коя уже укоренилась в его сознании методами Павлова, Пол судорожно пополз в сторону комода, стоявшего рядом. Габи тут же поняла его намерения и предупредив затевающийся идиотский и травмирующий поступок, сама вытащила из тумбы документы и вручила их в руки мазохиста. Пол не торопился заглядывать в свой паспорт. Он и так пребывал в недоумении, ведь герб, красовавшийся на главном документе каждого гражданина, на своём собственном паспорте был ему не знаком. Происходящий абсурд подходил к точке кипения и плеснул в лицо возможного бипатрида, как только тот открыл документ. Пауль Нойман. Дата рождения, где совпадает лишь год, место рождения не знакомое от слова совсем, прописка – явно чуждая. Единственное что осталось неизменным, это биологический пол. С мыслями о том, что с больничной койки будет тяжеловато решать бюрократические вопросы Пол решил восстановить картину произошедшего.

- Почему так больно? - Пол более не старался спонтанно истязать себя под пристальным взглядом надзирательницы.

- Дурачок, радуйся, что чувствуешь эту боль. Твоя операция была проведена на высшем уровне и несмотря на трудности закончилась успехом. - Габи была явно воодушевлена чудом, произошедшим с старым другом. - Но не нужно резко вскакивать и открывать шампанское. Ты должен пройти курс физиотерапии и реабилитации. Я буду помогать тебе всеми силами.

- Спасибо, Габи. - глядя в симпатичное лицо своей давней боевой подруги, Пол осознал полученный им подарок судьбы.

Если бы он столкнулся со всем этим безумием в одиночку, то наверняка искалечился бы не только физически, но и морально. Новое имя полученное поневоле, далекая страна, принимающая его как завсегдатая, а также факт того, что пусть он и переодет во все чистое, но все же по локоть измазан в крови Виджея давили на Пола и на его лишь недавно воспрявший ото сна рассудок. Для человека имя или же память о прошлом не являются фундаментальными потребностями для того, чтобы продолжать жить. Отсутствие таких незначительных вещей ни коим образом не мешают ему есть, спать, существовать в обществе, а также вести дела, к которым он привык. Но именно в момент своего без преувеличения библейского воскрешения Пол понял, что отныне ему не удастся вернуться к своей предыдущей жизни, как бы он того не хотел. Ему оставалось лишь по крупицам собирать то, что осталось от некогда цельной картины его бытия и на этих истерзанных обломках строить возможные пути своего будущего. Поначалу такая стратегия мгновенно утешила его раздробленное нововведениями сердце, желавшее конкретики и стабильности, но вернувшись к эпизоду в доме Майстеров, все нутро Пола зашлось легким ознобом омерзения и отвращения.

- Завтра начнем реабилитацию, а пока постарайся поспать. – уняв свое любопытство, Габи решила не изматывать Пола ностальгическими расспросами и чинно проследовала к выходу.

Оставленный на самоснедание чудом выживший везунчик не разделял счастья текущего момента. Да, он открыл глаза, но понимание того, при каких обстоятельствах он это сделал, вводило его в безжизненную прострацию.

Лунный свет, украдкой пробирающийся в усыпальницу израненного мальца, не пытался насмехаться над его несчастьем и просто буравил представленный себе кусочек пола своим чистым сиянием. Пол хотел бережно перевернуться на бок, но собственные ребра отчаянно сигнализировали ему о нежелании принимать на себя критическую нагрузку. Так и не совершив рискованный манёвр, подбитый сокол решил не выпутываться из сетей отчаяния через сон и погрузился в рефлексию последних дней. Секционный потолок, выполненный аккуратными квадратами, пришелся Полу местом для его мыслительных заметок, разбитых по смыслу и важности на квадраты. Это был верный ход, ведь лёжа на спине и не испытывая сильных болей, пациент наконец-то начал задаваться вопросами, на которые в большинстве своём ответов не находилось. "Что произошло в доме Майстеров? Почему я сейчас нахожусь в другой стране? Что сейчас с мамой? Как быть дальше? " - вопросы разрастались сетью загадок, опутывающих сознание Пола, который постепенно чуял неладное. Нет, дело было не в конспирологии, затмившей спокойный и размеренный поток его мыслей. Тут было что-то другое, что-то мягкое и уютное, укутывающее Пола с головы до пят. Видимо один из стаканов, опрокинутый им в порыве жажды содержал в себе растворенное снадобье, предусмотрительно подмешанное Габи в лучших соображениях. Не вовремя проявленная любезность постепенно втягивала самоотверженного следователя в пучины сладких снов, перемешанных с бурным беспокойством. Безответственно проваливаться в грёзы Пол не хотел от слова совсем, поэтому насущные вопросы были разрешены экстерном. Последнее воспоминания из Дома Майстеров были смяты до логичного лозунга - Дита виновата во всем. Своё странное местонахождение и выяснение сопутствующих обстоятельств Пол надеялся поручить Габи, а состояние матери станет ему известно утром, как только он доберется до местной станции связи. Главенствующий вопрос о том, что предстоит делать дальше Пол уже не смог вынести на повестку ночи. Окружающая тьма успела проникнуть в силящегося борца через ноздри, рот и опавшие глазницы и непринужденно убаюкала его заходящийся в конвульсиях разум.

Больница куда попал Пол была одной из лучших на континенте, но негласно имела статус реабилитационного центра. Местные специалисты и их навыки не были предназначены для проведения сложных операций, которые уже давно стали прерогативой столичных мастеров врачевания, чьи места работы находились исключительно в округе здания "Майстер Индастриз". Это в некоторой степени объясняло местонахождение страдальца, погрузившегося в сумбурный кинопоказ, организованный на внутренней стенке собственного черепа. Но переживать за его судьбу не было нужды, ведь Габи, как и целый штат высококвалифицированных сотрудников в который она входила, имели в своём арсенале не только многочисленные программы восстановления на любые случаи, но и нехилый по стоимости комплекс тренажеров и процедур, к которым Полу предстояло приступить утром.

Если бы в пустых больничных коридорах хоть одна пара глаз могла бы видеть Габи, идущую в припрыжку, то её радость не осталась бы для нее секретом. Однако время было позднее и лишь лёгкое потрескивание ламп аккомпанировало её незамысловатому танцу, салютующему встрече с порядком изменившимся, но все еще тем самым Поликом, чудом преодолевшим страшный диагноз. Вернувшись на сестринский пост, хозяйственная глава подручного персонала вновь принялась изучать реабилитационную карту своего компаньона, с которым в детстве они не только баловались и дурачились, но и учились. Стоило опустить момент того, что именно Габи была инициатором всех их шалостей, а Полик в свою очередь все же уговари-

вал непоседливую егозу больше времени уделять учебе. Взгляд наряженной в белое девушки, продолжая оставаться уверенным не смотря на отсутствие сна, профессионально скользил по витиеватым закорючкам рекомендаций и процедур заполняющим собой книжечку с именем Пауль Нойман на обложке. Дойдя до середины, Габи вновь приходилось возвращаться в начало шифровальных каракулей. Нет, дело было не в усталости, навалившейся на нее в ходе ночной смены и уж тем более не в отсутствии у неё врачебной компетенции, имевшейся через край. То и дело пролистывая страницы, она не замечала как в голове взамен медицинских терминов всплывали счастливые деньки, проведённые ею с Полом Хендерсоном. Нет, тогда ещё с Поликом. Школьные деньки, когда он самоотверженно оставался на продленку со своей самопровозглашённой защитницей, дабы поделиться с ней своими знаниями, времена, когда она, выхватив из ближайших кустов палку, отгоняла от него задиристых забияк. Все эти мгновения их детства приносились в сознании Габи и не давали ей сосредоточиться на прямых обязанностях. Зато хихикать над потехами прошлого она могла сколько душе угодно, чем и наслаждалась в пустой зале, пахнущей смешением лекарственных препаратов.

Проведя так добрые пятнадцать минут, Габи отложила из рук папку, которую уже успела перечитать вдоль и поперек за минувшие две недели и сладко потянулась. Её бдительность была известна во всех отделениях больницы, в связи с чем напарник ей не требовался. Такой расклад позволял ей получать неплохие премии по итогам работы, а также оттачивать навык чуткого сна, которым с недавних времён она могла бы воспользоваться даже, будучи на ногах. Сейчас столь отчаянные меры не требовались, поэтому внутренние часы ответственной руководительницы автоматически взвелись на пятнадцать минут и позволили ей уснуть в мгновение ока.

- Полик, ну хватит, идем домой! - сквозь года собственный голос девчушки казался ей излишне звонким.

- Я почти нашел его. - бормоча себе под нос, мальчуган продолжал копаться в бесконечной зелени леса.

- Это скорее всего выдумка. Ты же промок до нитки! - прячась под кроной разросшегося дерева, искательница приключений уже успела пожалеть о собственной болтливости по поводу расчудесного четырехлистного клевера.

- Он должен быть тут. Я знаю это. - охваченный азартом мальчишка никак не хотел отпускать мечту, затянувшей его в поиски по эффекту домино.

- Ну смотри! Я спрячусь, и ты будешь искать меня, а не клевер! - надув розовые губки, Габи, раздосадованная отсутствием должного внимания, придумала хитроумный план.

Отвлеченность Полика от окружающего мира ради тщетных поисков была видна его пронырливой подруге невооружённым глазом, в связи с чем ей не потребовалось особого мастерства, дабы начать своё коварное отступление. Перешагивать трескучие коряги, которых по всему лесу было не счесть, Габи не утруждалась, ведь недостаток ее бдительности с лихвой компенсировался барабанящей по листве дождевой капелью. Держа в поле зрения своего излишне изыскательного героя, чей эриманфский вепрь до сих пор не желал даваться тому в руки, беглянка успела отбежать на приличное расстояние от точки начала исполнения своего замысла. Ей казалось, что было бы неплохо преподать урок мальчишке, чья мания уже перешагнула все границы и заставила скучать его единственного соратника. Но задор шалости резко сменился паническими нотками, когда Габи, юркнув за очередное дерево, уже не обнаружила в изначальном месте маяк из серого комбинезона. Такой расклад не вводил малолетнюю смутьянку в страх или панику, но беспокойство по поводу пропавшего без вести друга заставило её сорваться на крик.

- Полик! - выкрикнула виновница, делая протяжный акцент на каждой гласной букве.

Ожидаемой реакции не последовало. Вероятнее всего дело было в уже разошедшемся дожде, чьи упругие капли с неистовым самопожертвованием разбивались о земные препят-

ствия с хлопками оваций. Идеи о том, что Полик решил предпринять хитрость в ответ, точно не могли быть допущены. Оглядевшись по сторонам, Габи решила сворачивать свою пантомиму, ведь небо уже начало постепенно окрашиваться в палитру сумерек. Самым логичным, что пришло ей в голову было возвращение по своим же следам, которые она успела запомнить. Пробежав напрямик к месту расставания, Габи все же поддалась панике, не обнаружив в округе знакомой фигуры.

- Полик! Ты где! - звонкий голосок заигравшейся барышни тонул в мириадах капель, каждая из которых охотно вбирала в себя частичку звуковых волн.

- Нашел! - из ближайших кустов послышался не только радостный окрик, но и шебуршание.

- Ты дурак! - едва завидев Полика, Габи тут же подлетела к нему и разразилась негодованием.

- Это тебе. - разжав кулак, активнейший участник поисковой операции представил свой трофей.

Четырехлистный клевер, который совсем недавно напитывался щедрыми дарами неба, смиренно ожидал своей участи под взглядами любопытных детей. Он был всего лишь крохотной частичкой развернувшейся вокруг экосистемы, но юным кладоискателям он представлялся как минимум одним из представителей чудес света. Кусочек чуда, о существовании которого ходили легенды, не стеснялся принимать на себя влагу, стекающую с кромки капюшона Габи. Девочка, одарённая мифическим Граалем, тут же забыла терзавшее её беспокойство и бросилась на шею своему отважному принцу. Слегка ошарашенный такой реакцией Полик тут же залился краской, но не спешил отстраняться от непредвиденных объятий. Габи даже не задумывалась о том, как он отреагирует на такой жест. Простояв так пару секунд, герой дня невольно проникся возникшим моментом. В его голове стремительными потоками разлились мысли о красоте окружающей природы, о том, что вся жизнь впереди и о своём невероятном везении. Последняя мысль не была сопряжена с клевером и его успешно завершившимся поисками. Дело было в человеке, что был сейчас рядом и подарил ему столь прекрасный миг.

- Ну что, пойдем? - скрашивая промозглость погоды своей лучезарной улыбкой, Габи бережно убрала клевер в заранее подготовленную баночку из-под солений.

Контейнер для хранения был выбран так, словно должен был вмещать как минимум охапку искомых растений. Полик слегка улыбнулся, не разобрав, к клеверу ли обращалась Габи или же к нему. Но все стало предельно ясно, когда радостная девчушка с размаху схватила за руку своего компаньона и устремилась к ближайшей тропке.

Пятнадцать минут иссякли, а это могло значить лишь одно. Разомкнув веки, Габи почувствовала прилив сил, которого по её расчетам должно было хватить до передачи смены. Но на этом все не заканчивалось, ведь сегодня у неё планировались невероятно важные мероприятия, в связи с чем переработка виделась ей все чётче и чётче. Тревожные кнопки пациентов, готовые принять на себя ответственность в случае нажатия, не будоражили покой, хранимый стенами медучреждения. Наслаждаясь идиллией, Габи не следовало так напрягаться, ведь в помещении за регистратурой её ожидала помощница, с которой они должны были сменять друг друга. На бумаге все получалось превосходно, но молодая стажерка, оставленная на попечение своей опытной наставницы, уже видела десятый сон, который Габи было обидно прерывать. "Она ещё успеет запомнить здесь каждую мелочь, ведь бессонных ночных часов на страже у неё будет много. " - так размышляла опекунша, чьё чадо и так бегало сегодня как угорелое. Думая, чем себя занять, страждущий хранитель покоя все же смог вычленить из минувшего сна ярчайшие кусочки.

- А ведь и вправду... - слегка приподняв уголки губ, Габи решила ещё раз доказать себе, что это был не просто сон.

Небольшой бумажник, прошитый яркой фиолетовой ниткой и украшенный самодельным рисунком слона, податливо вынырнул из её кармана. В нём не было ничего особенного, кроме как факта того, что Габи сделала его сама. Многие, завидев такую подделку восхищались главой подручного персонала, которая не только усердно работала, но и находилась время для хобби. Содержимое кошелька так же не выделялось неординарностью, но одна вещица, ради которой сама поделка и была явлена свету, умудрялась нести в себе нечто большее, нежели банкноты и монеты. Четырехлистный клевер, сохранивший свой вид под слоем прозрачной смолы ничуть не поддался гнету времени. Повертев в руках кусочек детских воспоминаний, Габи в конце концов опомнилась и тут же взялась за телефон. Разговор с Полом напрочь выбил из её головы требование, которое было ей предъявлено вместе с его медкартой. "Как только пациент придет в себя срочно позвоните по указанному номеру." - надпись на стикере, вшитом в мед карту успела стать для Габи несущественной по прошествии двух недель. Но раз просили, значит это действительно важно. Телефон на сестринской посту нарушил тишину, окутавшую длинные коридоры. К удивлению Габи, человек на том конце провода мгновенно поднял трубку, словно ожидал этого звонка в любую секунду.

- Доброй ночи. Звоню по поводу пациента…Пауль Нойман. Буквально пару минут назад он приходил в сознание. - в манере предписанной аудиограммы выдала ничуть не заспанная главная сестра.

- Присмотрите за ним как следует. - загадочный голос, поставленный в лучшей манере, прервался гудками без каких-либо подробностей и объяснений.

Пожав плечами, Габи со спокойной душой положила трубку. Было бы лукавством сказать, что её спокойствие было вовсе не тронуто, ведь Пол, поступивший под её надзор при странных обстоятельствах, его ошарашенная реакция на собственные документы, а также звонок, который больше походил на тайное покровительство вместе наверняка составляли некую тайну для разгадки которой ей не хватало вводных данных. Пускай вымученно стабильное, но все же сопряженное с ночным бодрствованием состояние Габи и нельзя было назвать не бдительным, ей сейчас было тяжеловато строить догадки о судьбе своего друга, да и парочка кнопок вызова на приемной панели сигнализировали ответственной медсестре о ее необходимости паре пациентов, чей сон был прерван бытовыми нуждами. Оставлять пост без присмотра было плохой идеей, но у Габи и в этом вопросе все было на мази. Она обладала феноменальной памятью, которая помогала ей не только во времена обучения, но и сейчас, поэтому горевшие огоньки «217» и «452», обозначающие номера палат, не вынуждали ее заглядывать в медицинские карты лежащих там пациентов. Она прекрасно помнила какие именно лекарства и меры ухода требовались в них посреди ночи. Захватив все нужное с собой, она зашагала по тихим коридорам, словно блюститель порядка, готовый на все ради горожан вверенного ему участка.

***

Утренние лучи, пускающие зайчиков через блеск стальных ножек больничной койки, разливали по палате вереницу причудливых пятен, одно из которых так и норовило пощекотать глаза мученику, всю ночь подбиравшему для себя позу, которая хоть как-то вписывалась бы в рамки его анатомического комфорта. Попытки предпринимались до такой степени активно, что парочка болтов, служивших опорой всей конструкции уже не первый год, заметно ослабили свои позиции под давлением ног, которые ну никак не могли уместиться на стандартном койко-месте. Заслышав знакомый мотив фа мажора, раздавшийся из проигрывателя на сестринском посту, габаритный пациент был рад окончаниям мучений, которые он мог бы стоически перенести на полу, если бы не толика собственного здравомыслия и крики медсестры, отказавшей ему в этой затее самым доходчивым образом. Аллегретто смычковых инструментов в паре с бодрящим мужским баритоном сигнализировали о начале нового дня, от чего в коридоре послышался звук возни и причитаний некоторых больных, не разделяющих энтузиазм сопровождающей их боли музыки.

Не обращая внимания на больничную суматоху, гигант, чей ночной долей были лишь небольшие эпизоды дремы, желая смыть тень усталости со своего лица пригнулся над раковиной, не желая смотреть на настенное зеркало до благоговейного омовения холодной водой. Напор воды из крана был достаточен для утреннего умывания, но вот ладони, собирающие его раз за разом, были столь выдающихся размеров, что каждая прохладная горсть набиралась в них с некоторой задержкой. Стерев с лица оттиски усталости, банщик наконец мог взглянуть на себя. Рыжие волосы, отросшие до неприличной по меркам столичного офисного этикета длинны, влажными прядями перекрывали половину лица, где выразительные глаза и выдающийся подбородок остались неизменными даже с столь необычной прической. Зачесав волосы назад, столичный цирюльник достал бритвенный станок и кусочек мыла и приступил к финальной стадии наведения марафета. Для этого был радостный повод, ведь ему предстояла встреча, которую он так долго ждал. Гребенка, чьи зубья больше напоминали иссохшийся со временем деревенский забор, едва ли могла привести в порядок отросшие локоны.

Закончив с наведением порядка, красавец, собирающий на себе взгляды всей женской части коллектива больницы, вышел в коридор, где его уже поджидала засада. Он подозревал, что гомон за дверью был явно не с проста, но все же решил попасться на уловку притаившихся оперативников.

- Вернер! - гурьба малышей, незаметно ускользнувших из-под надзора сестры детского отделения, была рада видеть своего приятеля.

Поприветствовав всех улыбкой и приподнятой ладонью, предводитель ребятни тут же рассмешил её скорченной гримасой.

- Вам не следует убегать вот так. Я сам уже собирался идти к вам. - попытка Вернера вразумить ребят была ловко отстранена от целевой аудитории её протестными возгласами.

- Эти тётки в халатах опять отступят тебя со всех сторон и у нас будет меньше времени поиграть! - самый бойкий мальчишка выдал очень точное наблюдение.

- Ну что же, тогда вам нужно сопроводить меня, но будьте бдительны! Операцию нужно провернуть незаметно! - вступив в игру, сенсей поведал начинающим ниндзя основы их дела.

Показательно присев на корточки, Вернер, походящий на утку переростка, всем своим видом вызывал добрые улыбки проходящего мимо персонала.

Дети активно последовали примеру руководителя операции и слегка неуклюже поплелись за ним, иногда теряя равновесие из-за столкновений между собой. Вереница «утят» была милейшим зрелищем, которое никто не хотел прерывать, ведь каждый понимал - звонкий детский смех был куда лучше, нежели ворчание соседа по койке, потрескивания радио, вещающего о проигрыше национальной команды, или же шуршания газеты, в которой говорилось о падении индекса местной биржи. Многие пациенты понимали это и находили в доносившихся из коридора детских возгласах некоторую поддержку собственному недугу, ведь медикаментозное лечение очень важно, но собственный позитивный настрой также играет немаловажную роль.

Прошагав так до дверей детского отделения, вереница лазутчиков радостно хлопала в ладоши, ликуя от собственного успеха. Провал был невозможен, ведь медсестры, едва завидев объект своего внимания за столь забавным досугом, сами отводили взгляд по причине резко появившихся из неоткуда дел. Такой расклад не смущал детей, ведь они были довольны возможностью перехитрить взрослых, а также провести время в компании своего друга, именовавшегося в их кругах "Вождь рыжая грива". Корпус больницы, где маленькие пациенты проходили лечение, лишь недавно обновился после ремонтных работ. Свежие рисунки сказочных зверушек, то тут, то там красующиеся на стенах, не могли не радовать глаз, а прорезиненное напольное покрытие исключало травмы даже при самой активной игре. Вдобавок, обновленный игровой зал пополнился разнообразными видами досуга, способными угодить даже самым придирчивым детским умам. Ворвавшись в свою обитель, дети мигом превратили царящий

там порядок в творящийся хаос. Чувствуя общее настроение, Вернер мигом смекнул необходимость перевоплощения из героя в страшного Вернзиллу, чьё нападение маленьким горожанам было необходимо отбить любой ценой. Пехота плюшевых игрушек пала, не оказав практически никакого сопротивления, в то время как град из бросаемых мячиков заметно замедлил вышагивающего захватчика.

- Такой мелочью вам меня не остановить! - выпучив глаза и вытянув руки по сторонам, Вернер и не думал о капитуляции.

Ребятня явно замешкалась, ведь их план обороны строился буквально на ходу. В ход шли ловушки из разбросанных на полу солдатиков, машинок, самоотверженно катящихся под ноги монстру, а также самых смелых воинов, цепляющихся за угрозу в попытках её остановить. Обойти все ловушки, а также сопротивляться напору визжащей оравы было не так просто, но Вернер неумолимо приближался к точке невозврата. Дети хорошо знали историю своей страны и поступили так, как считали нужным. На поле битвы было выкачено орудие, чья огневая мощь могла бы полностью стереть проблему с лица земли. Сверхтяжелая железнодорожная артиллерийская система, сооруженная из пластикового контейнера и детского столика, мгновенно ввела коррективы в планы гиганта, позарившегося на людской покой. Коллективный "бабах" был выкрикнут детьми столь отчаянно, что у Вернера не оставалось других путей, кроме как принять поражение. Аккуратно спустившись на колени, он издал предсмертный хрип и лег на пол под восторженные крики победителей. Всячески хвастаясь перед собой, собственноручно спасенные горожане начали прощальную церемонию. Все то, что препятствовало продвижению Вернера быстро оказалось на его хладном теле в качестве дани памяти достойному сражению.

- Не расстраивайся, ты почти победил! - Олк, некоторое время наблюдавшая за развернувшейся баталией, с улыбкой подбодрила своего бойца, практически сгинувшего в неравной схватке.

Едва заслышав столь знакомый и тёплый голос, поверженное чудище вновь начало движение, от чего ликовавшие победители были подвергнуты в шок.

- Вы сражались с достоинством, но теперь настало время зарыть топор войны и прибраться. - призыв к порядку от старшего собрата тут же поставил на рельсы восстановительные работы.

Когда поле битвы засверкало как новенькое, дети послушно разошлись по игровой, а сам Вернер с лёгким трепетом на душе последовал к дверям, где его уже ожидала дама сердца, чей образ нередко снился ему по ночам. Такие сны были однозначно приятнее болезненных наваждений кошмара с участием Удо, которые прекратились с недавнего времени.

Без единого слова Вернер и Олк тут же сошлись в объятьях, с должной осторожностью отнесясь к травмам друг друга. Пускай синяк под глазом Олк уже не напоминал своим цветом налившийся зрелостью баклажан, Вернер все же не рисковал прижимать её голову к своему выдающемуся торсу, в то время как она не противилась этому, ведь боялась ненароком задеть швы на его ранении. Простояв в состоянии наслаждения пару минут, парочка подбитых пташек не торопилась заливаться радостным щебетанием. Вернер, глядя на Олк, никак не мог отделаться от ощущения лёгкой скорби, которым веяло от каждого скованного движения слегка угрюмой, но все еще красующейся лёгким макияжем пассии.

- Верн, Райнхард ждет. - потупив взгляд, гонец радостных вестей не разделял энтузиазма, с которым их получатель зашагал к свой палате.

Отмахнувшись от тревоги, щекотавшей сердце, Вернер, сам того не замечая, все равно с каждым шагом все быстрее и быстрее приближался к месту своего временного пребывания. Олк уже не поспевала за своим возлюбленным, но по всей видимости и не торопилась преуспеть в погоне. В конце концов она не знала как ее лишь недавно вставший на ноги возлюбленный отнесется к недосказанности, допущенной ею из благих намерений и переживаний. Без

должного внимания к данной детали, Вернер открыл дверь и разом понял настроения своей подруги. Бравый солдат, отдавший многое в паре войн, с должным станом восседал на середине палаты. Строгие черты лица, одежда, подготовленная по всем канонам военной выправки и глаза, чья радужка словно выкована из стали, не ведающей бремя старости. Весь этот образ врезался в память Верна ещё в детстве и не сильно изменился с годами, но вот инвалидная коляска, на которой Райнхард выглядел ещё меньше, нежели обычно, раскаленным клеймом обожгла нутро сына. Олк осталась стоять за дверью, убеждая себя в том, что утайка состояния Райнхарда была вынужденной необходимостью.

- Здравствуй, Верн. - мягко, совсем не так как в годы их первого знакомства, проронил старик.

Слова, крутящиеся вихрем в голове Вернера, никак не могли вырваться за пределы его стиснутых зубов. Нет, это не было проявлением агрессии, злобы или ярости за несправедливость судьбы. Это была попытка сдержать клокочущий где-то глубоко внутри источник, пересохший давным-давно и разродившийся только сейчас. Скупая слеза одиноко отправилась в своё пике, разбившись об пол без единого звука.

- Отец… - Вернер, переборовший самого себя, рухнул на колени перед своим родителем.

Они поняли друг друга без слов.

Обнявшись, сын чувствовал лёгкую дрожь, пробирающую старика, и слышал его тяжёлое дыхание. Отец же, утешая своё дитя, не мог не заметить, как тот всем своим духом старается не показывать слабостей. Это было каноном воспитания в семье военного, но было ли это личным выбором Райнхарда или же следствием его профессиональной деформации не знал никто.

- Папа, как же так? - присев на стул рядом, Вернер сгорбился, дабы комфортно вести диалог.

- Я так за тебя переживал. Не зря Олк возила меня в церковь…мои молитвы были услышаны. - слегка улыбнувшись, Райнахрд перекрестился.

- Что говорят врачи? - не столь набожный отпрыск старался поскорее выведать конкретику.

- Инсульт, что б его за ногу…да еще и застал он меня в самый паршивый момент. Врачи предлагали снять протез, раз уж я теперь на колесах, но как я могу расстаться с твоим подарком. - ведя диалог на не самую радостную тему, Райнхард не терял своего задора. - Я так рад вновь видеть тебя.

- Я тоже. Как скоро ты пойдешь на поправку? - Вернер ещё теплил надежду на благоприятный исход.

- Я жив остался и это главное. Тут уж ничего не попишешь, на свой век я уже набегался. От лекарств язык почти отсох. - отхлебнув из небольшой фляги, посетитель совершил грубейшее нарушение местных порядков, которое в его ситуации было простительно.

Вернер и без подсказок уже знал о содержимом сосуда, пахнущем забродившим виноградом. На его памяти старик пил лишь две жидкости - чай и кагор, что к удивлению, влияло на него лишь с положительной стороны.

- Врачи лепечут, что осталось мне не долго, но даже с небес я достану тебя, если ты как простофиля проворонишь такую замечательную девушку. - убрав флягу, Райнхард кивнул в сторону двери.

На протяжении всего диалога Вернер не переставал ощупывать рану на своей груди. Ему все время казалось, словно заштопанное отверстие вновь начало сочиться кровью, но это было лишь его воображение, ведь врачи уже давно пророчили ему поправку и сократили свои действия до обычного наблюдения.

- Позови Олк. Она наверняка уже заждалась. - расплываясь в улыбке, дряхлый, но все еще статный вояка подмигнул своему юному протеже.

Оторвавшись от стула, Вернер не переставал пережевывать вновь полученную информацию. Теперь он прекрасно понимал, почему Олк на его вопросы об отце лишь отшучивалась и никак не могла прийти вместе с ним. То спину ему защемило как в последний раз, то служба в церкви была перенесена, чего ранее не случалось. Оправдания в подобном духе настораживали шедшего на поправку пациента, но теперь ему стало ясно - узнай он о недуге своего отца раньше, то наверняка бы плюнул на собственное лечение, чего не могли допустить его родные, чьё знакомство произошло не при самых радостных обстоятельствах.

Прекрасная часть персонала больницы, давно понявшая причину неудач своих любовных изысканий в сторону мистера Брауна, не отчаивалась и принимала Олк как достойного соперника. Сама же она не обращала на них никакого внимания и просто старалась не показывать внутреннее противоборство снедающего желания закурить и беспокойства за то, как Вернер примет ситуацию. Но вскоре её тревога разрешилась под спокойным взглядом Вернера, приглашающего её зайти. Вещи пациента были самолично им собраны ещё вчера, а договоренность с врачом о строгом соблюдении предписаний скостила ему время пребывания в больнице как раз до сегодняшнего дня, в связи с чем они все вместе готовились к отбытию. Перепроверив палату на наличие оставленных вещей, Вернер достал из-под кровати коробку, до краёв наполненную поделками из бумаги.

- Видимо с творческим досугом у тебя здесь не было проблем. - присев над импровизированным саквояжем, Олк начала разглядывать её содержимое.

- Я подумал, что детям будет приятно получить на прощание небольшие сувениры, раз уж я ухожу так скоро. Бессонница была хорошим подспорьем. - слегка замявшись, Вернер выкатил Райнхарда в коридор неся на плече сундук с сокровищами.

Мальчуган, вышедший из детского отделения и едва заприметивший Вернера в будничной одежде, тут же поднял тревогу для всего детского состава. Табун маленьких ножек незамедлительно последовал его команде и затопотал в сторону Вернера и его семьи, вызывая у Райнхарда стариковский смех. Олк также поразилась прыти малышей, что за пару секунд уже оказались возле своего благодетеля.

- Верн, ты уходишь?

- Ой, а кто этот старичок?

- Твоя жена очень красивая!

Возгласы детей тут же заполнили собой всю тишину больничного коридора. Олк, смущенная столь открытым восторгом в свою сторону, слегка хихикнула, представив себя в свадебном платье подле Вернера, наряженного в парадный смокинг. Райнхард, во всю заливаясь хохотом, уже рассказывал небылицы и прибаутки детям, разинувшим рты, а Вернер всеми силами пытался успокоить девчушку, разошедшуюся в слезы и цепляющуюся за края его пиджака.

- Не нужно плакать, ведь все мы обязательно выздоравливаем и покидаем это место. - потрепав волосы на голове плаксы, Вернер вручил ей бумажный цветок, сделанный специально для неё.

- С тобой было так весело... - утираясь рукавами своей пижамы, девочка постепенно приходила в себя.

- В жизни много веселья. Оно не покинет тебя с моим уходом. - украдкой бросив взгляд на Райнхарда, голос Вернера слегка дрогнул.

Слезы больше не катились наперегонки по лицу девочки, чье внимание было полностью поглощено причудливым цветком, состоящим из бумаги и хитроумных сгибов. Решив наконец закончить процесс прощания и обернувшись, перед Вернером предстала забавная картина. Райнхард, собрав вокруг себя толпу мальчишек, без особой эмоциональности, но очень выразительно рассказывал истории военных лет не как учитель, а как непосредственный участник, что вызывало кратно больше интереса у детворы. Девчонки, обступившие Олк, не могли не

благоговеть перед её роскошными локонами и ноготками пестрящими хитрыми узорами, от чего то и дело заваливали её вопросами о том, как вырасти такой же сногсшибательной. Идиллия не могла продолжаться вечно, поэтому медсестры детского отделения, ожидающие в сторонке, начали разводить детей на процедуры. Данный процесс заметно отягощался нежеланием детей расставаться с посетителями, что подарили им столько эмоций, а особенно с Вернером, который все же уговорил детей проследовать на лечение с помощью самодельных игрушек. Пристроив каждого ребенка к необходимому сопровождающему, компания аниматоров наконец покинула здание столичной больницы.

- Давненько я так не веселился. Уж дожить бы до прогулок с собственными внуками. - жмурясь от солнца, Райнхард слегка приобнял стоящих по обе стороны от него Вернера и Олк.

Заслышав слова старика, Олк слегка смутилась, но тут же постаралась прийти в норму, поймав на себе приободряющий взгляд своего кавалера.

- Я думаю, мы что-нибудь придумаем. - глядя прямо в глаза своей даме сердца, Вернер невзначай положил руку на плечо Олк.

Насладившись осенним солнцем, компания решила не злоупотреблять его теплотой и наконец отправиться домой. Возможно дело было в усиливающихся порывах ветра, но жаловаться на него никому не хотелось. Словить такси в центре города не было проблемой, но только сложив инвалидное кресло и усадив Райнхарда в автомобиль Вернер понял, что все то время, пока он находился в больнице, Олк прилагала массу усилий не только для его собственного восстановления, но и для заботы о человеке, что был так дорог ему. Вернер не понаслышке знал о силе воли дорогой его сердцу подруги, но на этот раз он воистину восхитился тем, какой человек достался ему по велению судьбы. Расположившись в салоне авто, отец и сын заняли задний ряд, в то время как Олк сразу же дала понять таксисту, похотливо облизывающему губы и стреляющему глазками в её сторону, что тот легко может расстаться с зубами усилиями пассажира, находящегося за ней. Без промедлений автомобиль тронулся по широкой улице, коих в столице было предостаточно.

Инфраструктура города, а тем более столь важного для целой страны, могла похвастаться не только выдающейся архитектурой и планировкой улиц, но и вниманием к деталям, связующим весь этот монументальный проект. Речь идет именно о дорогах. Будь то окраина или же центр, где-то они были весьма приемлемыми, но в большинстве своём к ним невозможно было придраться. К этому в своё время приложил руку и Дирк, ведь его встречи с главой градостроительного департамента никогда не заканчивались без выделений весьма щедрых дотаций, кои пускались исключительно на благо города. "Дорога - будь она железной или асфальтовой, это не просто маршрут для доставки. Это путь к сердцу заказчика." - эта фраза Дирка, сказанная им на саммите по развитию транспортной инфраструктуры полностью объясняла его щедрость.

Разглядывая промелькивающие за окном улочки, Вернер заметил, как Райнхард погрузился в дрему. Несмотря на новости о здоровье своего отца, заботливый сын старался не показывать упадка своего духа, ведь это последнее, что нужно наблюдать человеку, смирившемуся с обстоятельствами собственной жизни. Дальнейший план действий у Вернера уже имелся, пускай не очень дальновидный, но все же четкий. Олк успела сообщить ему, что старик напрочь отказался покидать своё место жительство, охраняемое благодатной силой церкви, от чего первой остановкой в их пути являлась мастерская богобоязненного старца. Подъехав к упомянутому месту, Вернер с особой чуткостью усадил на коляску отца, не тревожа его сон и попрощался с Олк. Сама леди уже обжилась в квартире Вернера, ставшей ей временным пристанищем. Именно туда она и направилась для заслуженного отдыха, дабы не встревать в единение отца и сына.

Проходя ступеньку за ступенькой, чадо, глядя на своего родителя, никак не могло принять одну данность. "А давно он стал таким маленьким?" - Вернер резко поймал себя на этой мысли, не пройдя и половину пути. Старичок, съёжившийся на своём кресле и издававший

едва слышимое похрапывание, казался совершенно беззащитным, несмотря на своё прошлое. Доподлинно неизвестно, почему Вернер задумался об этом лишь сейчас. Райнхард Браун, выдающийся военный, прошедший две войны и вынесший из них множество боевых наград и пугающих историй, сейчас являлся обычным старичком, чье источенное временем тело постепенно давало о себе знать. Такой образ ни в коем случае не вызывал жалости в сердце Вернера. Он чувствовал лишь бесконечную преданность и безграничное уважение к человеку, что теперь так нуждался в нём.

Зайдя в квартиру, отличающуюся по большей степени спартанским условиями, мужи сих угодий тут же занялись своими делами. Райнхард, будучи уложенным на кровать даже не думал прерывать свой сон, а вот сиделка, приставленная к нему на неопределённый срок, ужаснулась съестным, напоминающим дзотовский схрон. Консервированная тушенка, выстроенная рядами в небольшом ящике, была любимым лакомством ветерана, знающего в ней толк. Сам Райнхард объяснял свой выбор практичностью и долговечностью такого продукта. Откопав среди прочих запасов небольшой мешочек крупы, Вернер решил организовать ужин вечерней кашей, а с первыми лучами солнца закупиться в ближайшем магазине продуктами, не столь напоминающими солдатский рацион питания. Коморка была тесновата для двоих, что наталкивало Вернера на мысли о невозможном переезде, которые тут же испарялись при взгляде на церковь, величественно возвышающуюся за окном и красующуюся витражами, ловящими на себе свет зажигающихся фонарей.

- Верн, уж больно чая хочется. - поднявшись на локтях, подопечный долгожитель тут же устремил свой взгляд на окно.

- Сейчас и перекусим заодно. - выставляя на стол свежесваренное кушанье, предусмотрительный сын также разлил по стаканам ароматную жидкость благородного цвета, пахнущую бергамотом.

- Олк однозначно заваривает чай лучше тебя. - отхлебнув из жестяной кружки, гурман оценивающе взглянул на её содержимое.

Придирчивый критик знал толк в древнем азиатском напитке и хитростях его заваривания, в отличие от отпрыска, никогда не интересовавшегося этим вопросом.

- Поверь, иногда я и сам задумываюсь о том, что она слишком хороша для меня. - ухмыльнувшись, Вернер уже раскладывал по тарелкам горячее угощение.

- Ты это брось. Я воспитал тебя достойным и сильным человеком. Ей повезло с тобой ровным счетом так же, как и тебе с ней. - остужая выдохом очередную ложку каши, гордый отец был уверен в собственных словах.

Вернер, разделавшись со своей порцией, просто наблюдал за трапезой второго участника. Время никуда не подгоняло старика, поэтому каждую ложечку он смаковал как самый изысканный деликатес. Было видно, что несмотря на неторопливость, аппетит у него был не дюжий, ведь большая тарелка со временем все больше показывала собственное дно.

- Удо больше не приходит ко мне. - выдохнув, Вернер вновь пробежался по самым запоминающимся кошмарам, что терзали его последние годы.

Доводящие до ночных пробуждений сны давно стали неотъемлемой частью его ночей. Пару раз бывало и такое, что Олк, разбуженная резким криком, вздрагивала всем своим телом. По началу она интересовалась причинами таких происшествий, но не получая внятного ответа просто свыклась с этим. Кошмары в большинстве своём шли по кругу и включали в себя несколько локаций: детдом, ставший местом начала предстоящего горя, старая квартира Райнхарда, где Удо постепенно сдавал позиции недугу и больница, которая была последним, что умирающий ребенок видел в своей жизни.

- Мы сделали все, что могли. Его утрата была ударом для всех нас. Если бы я потерял и тебя, то... - зашедший на столь травмирующую тему диалог окончательно свернул не в то русло откровениями поникшего старика.

- Не думай об этом. Я всегда буду рядом. И теперь я знаю, что Удо не корит нас с небес. - утешив отца, Вернер пресек разговоры на тему, имевшие шанс окончательно подорвать здоровье и так натерпевшегося дряхлого солдата.

Ночь постепенно проникала в дома и не обошла приоткрытую форточку окна, за которым отец и сын обсуждали все, что придет им в голову. Несмотря на недавнее пробуждение, Райнхард постепенно начал зевать в кулак и замаргиваться, отчего Вернер понял необходимость определить его на боковую. Остатки пиршества были убраны, а опекаемый уложен в позу, которую он выбрал сам в ходе кантования со стороны помощника. Закончив с уборкой, знахарь в белой рубашке никак не мог сомкнуть глаз, думая о дальнейшей судьбе. Травма Олк, из-за которой та уже не видела одним глазом и могла утратить зрение полностью, инвалидность Райнхарда, возникшая вследствие стечения тяжелых обстоятельств и не поддающаяся реабилитации в силу возраста, а также его собственная жизнь, которая могла оборваться без усилий врачей. Вернер не беспокоился об утрате места в "Мастер Индастриз", однако уже подумывал найти ночную подработку, чтобы содержать в достатке не только Райнхарда, но и Олк. Его сбережений хватило бы надолго, но жизнь без труда казалась Вернеру пыткой.

- Я придушу этого засранца. - вспомнив взгляд Бруно перед выстрелом, Вернер едва слышимо выдал угрозу, ощупывая собственную рану, и посмотрел в сторону храпящего и бормочущего во сне отца.

Так и не найдя удобного положения на древней раскладушке, Вернер решил проветриться, дабы привлечь сон. Ночной воздух обжигающе наполнил собой его лёгкие, но не полностью. Причина крылась в том, что дыхание полной грудью продолжало вызывать у Вернера некий дискомфорт, поэтому дыхательная гимнастика была им благополучно заброшена. Идея чем себя занять быстро пришла в голову Вернера, стоило ему краем глаза заметить таксомат. Монета послушно скользнула в желобок телефона и брякнулась о сотню таких же, чья судьба была не завидней, нежели у поступившего к ним новобранца. Затяжной гудок, сигнализирующий о готовности трубки принять скучный диалог, аргументы ссоры или же любовное признание прервался вызовом номера, который до этого Вернер никогда не набирал. Это был собственный телефон в его доме.

- Привет, не разбудил? - заслушав сонное "алло" с другого конца провода, Вернер слегка пожалел о своём спонтанном решении.

- Верн, ты? Нет, все в порядке…как Райнхард? - любуясь пляшущим огоньком в кромешной тьме, Олк боролась с соблазном прикурить от него сигарету.

- Он в порядке... твоими усилиями. - Вернер просто не знал, как выразить благодарность за столь необходимую поддержку, оказанную так вовремя.

- По началу его гордость не давала мне как следует за ним ухаживать, но мы быстро нашли общий язык. - Олк была невероятно счастлива отсутствием необходимости выходить на улицу, ведь дом Вернера был весьма удачно подключен к ближайшей телефонной сети. - Теперь я понимаю откуда в тебе столько обаяния.

- Олк, я безмерно благодарен тебе. - перешагнувший через словарный барьер Вернер пожалел, что не мог поцеловать свою пассию именно в этот момент.

- Я рада, что с вами все в порядке. Тебе есть чему поучиться у Райнхарда. Такого количества комплиментов как от него я не получила за всю свою жизнь. - ласково рассмеявшись, Олк обернула локон своих волос вокруг пальца.

- Не при таких обстоятельствах я хотел познакомить вас. - буравя носком мелкую дорожную трещину, Вернер чувствовал себя виноватым.

На это были объективные причины, ведь что-то ему подсказывало, что именно необходимость ухода за Райнхардом вынудила Олк уйти из "Майстер Индастриз".

Отчасти это было правдой, ведь выбить больничный даже для себя сотрудникам крупнейшей компании страны практически не представлялось возможным. Что уж говорить об уходе

за человеком, с которым даже намека на родство не было. Пускай Олк и говорила о том, что её уход был следствием ухудшения зрения, но её пожизненный должник никак не мог полностью в это поверить.

- Теперь уж ничего не поделаешь. Я буду иногда навещать вас как найду новую работу. - Олк уже некоторое время наблюдала за вздымающимися клубами табачных смол и постепенно моргала все дольше, так и не решаясь поднести элегантно запакованный в цилиндр яд к собственному лицу.

- Нам нужно обсудить наше будущее и…я пойму, если ты не захочешь, но я планирую перевести Райнхарда в дом по соседству. Там будет просторнее, старик сможет радоваться виду на церковь и...может мы будем жить там втроем? - душа Вернера клокотала от напряжения, ведь Олк с лёгкостью могла отказаться от этого предложения.

- Шторы в нашу спальню выберу я, ибо мне приелся вид проявлений твоего холостяцкого вкуса. - зевая, княжна все равно звучала очень уверенно.

- Хорошо, интерьер я доверю тебе. - улыбаясь как мальчишка, увидевший нетронутую яблоню в цвету, Вернер понял, что порядком задержался, а отцу мог требоваться уход. - Спокойной ночи, Олк.

- Сладких снов, Верн. – стряхнув нетронутую сигарету в пепельницу целиком, Олк похвалила себя за маленькую победу.

Ощущение теплоты и благодарности обуяло одинокого горожанина, стоявшего с поднятой телефонной трубкой, из которой раздавались лишь прерывистые гудки. Именно в этот момент Вернер начал всерьез думать о том, что было бы неплохо выделить день для обхода ювелирных магазинов и выбора кольца, что послужит началом их более официальных отношений с Олк. Повесив трубку, он все же поспешил вернуться обратно на свой панцирный пост. Но в целом спешка была бессмысленна, ведь укутанный в одеяло подопечный все также мирно сопел и не обращал никакого внимания на лунный свет, льющий своё великолепие на неказистый пол и от части, прямо ему на лицо. Фронтовые условия уже закрепили у стойкого воина правила, которые делали его гражданскую жизнь несколько странной. Они всегда проявлялись по-разному. Абсолютная неприхотливость в вопросах еды, ночлега и условий проживания в целом по началу смущали заботливого сына, но пытаться приучить заскорузлого старика к более цивилизованным условиям жизни было той еще задачкой. Но что-то подсказывало Вернеру, что волей не волей, а жизнь двух мужей, прошедшая без присмотра женского взгляда, скоро им обзаведется, и он уже точно не будет мириться с казармными условиями и приёмами пищи как у солдатни.

Вернувшись в теплую, но излишне звонкую постель, Вернер крутился на ложе ещё пару часов. «Почему Уотан не вломился в больницу с толпой своих приспешников, готовый упечь в тюрьму провалившегося агента? Где сейчас ублюдок Бруно? Неужели тот хлюпик кого-то убил и выполнил задание в одиночку, а меня решили уволить по тихой?» - мыслительная центрифуга Вернера все задорнее и задорнее разгоняла поток вопросов без ответов.

Дрейфуя меж скал сомнений и доводов, крупная сиделка все же нашла подходящую позу для сна, и сама не заметила, как провалилась в сон.

***

Здание университета, находящегося на одной из лидирующих строк по престижу учебных заведений в мире, не кричало о себе стилем неомодерн, а величественно притягивало взгляды проходящих мимо горожан скульптурами ренессанса, отделкой фасада, на реставрацию которого каждые пару лет уходила немыслимая сумма денег, а также помпезным памятником своего первого ректора. Идиллия столь чудного места не поддавалась колебаниям даже со стороны по молодости взбалмошных студентов, которые в обеденный перерыв занимался кто на что горазд. Мелодичный плач скрипки, заигрывающий с ветерком, что уносит ноты и пожелтевшие листья по лишь ему ведомым направлениям, шелест страниц, аккуратно перево-

рачиваемых прилежниками и срываемых все тем же ветром, а также едва слышимое ликование радости, раздающееся со стороны спортивной площадки - все эти звуки сплелись в удивительный этюд, творящийся на территории университета. Занятия в столь высококлассном заведении проводились как на улице, так и в аудиториях, выполненных по канонам древнегреческих зал, что хорошо влияло не только на престарелых преподавателей, но и студентов, чей тон кожи был, несомненно, более здоровым, нежели у зубрил, круглосуточно сменяющих кафедральные помещения на библиотечную пыль. Раздосадованный общим настроением молодой человек, аристократично и педантично поглядывающий поверх голов своих сокурсников, шёл за ними не по велению стадного чувства, но гонимый надобностью получить высший балл для своего треклятого папаши. Имя этого статного парня было на слуху у каждого. Клос, будучи немного диковинным зверьком в сих краях, вызывал неравнодушные вздохи со стороны студенток не только по причине своей громкой фамилии или же статного профиля, но и в связи с уникальным талантом холодного обаяния, проявляемым им не только в общении, но и в сущих мелочах. Многие задавались вопросом о том, с чего вдруг уроженец столь прогрессивной страны, где на образование и так закладывался аппетитный кусок бюджета, появился в месте, которое не было ничуть не хуже, но находилась в тысяче километров от его дома.

Перешептывания за собственной спиной не смущали Клоса, ведь даже по обрывкам этого тайного совещания он уже понимал, что главным его вопросом была банальщина. "Интересно, а у него есть девушка? Если да, то это кто-то из местных, или она с его родины? А если нет, то какие девушки ему нравятся? Может быть он уже присмотрел себе кого-то здесь?" - шушуканье подобного толка преследовало Клоса, словно мантия, волочащаяся за спиной кровавого монарха, но ни чуть его не трогала. Бывало и такое, что особо бойкие охотницы, заприметив свою цель, ставили хитроумный капканы на экзотичного парня. Предложения пройтись вместе до дома в дождливый день, когда зонтик Клоса чудным образом исчезал, неловкие падения, совершаемые дамами с такой театральностью, что Клос иногда мысленно выносил им баллы и бесконечные предложения встретиться в садике общежития под покровом ночи, дабы прибегнуть к самым убедительным аргументам. Загадочный, но очень привлекательный иностранец заметно выделялся на фоне всей толпы студентов, где также присутствовали и другие иноземцы. Несмотря на острый ум, он был увлечён не только книгами, но и не брезговал спортинвентарем, которому уделял время перед завтраком, наблюдаемый десятком пар глаз, вылавливающими каждую каплю пота на его рельефном торсе.

Занятия должны были вот-вот начаться, но профессор кафедры финансов не торопился выполнять свой долг по выращиванию светлых умов и, по всей видимости, расплачивался за обеденный стейк, что комом встал в его желудке. Никто из группы учеников не был раздосадован таким казусом, ведь уважение к старческому опыту нивелировало бытовые неудобства. Заняв ближайшее место к трибуне лектора, Клос демонстративно углубился в собственные записи, не имея ни малейшего желания вести пустые светские диалоги. "Большинство из этих людей загнаны сюда собственными амбициями и стремлениями…я им даже завидую. Они не научились видеть мелкий шрифт. Чертыхаясь в потугах выйти на высший балл, они не замечают, как их собственная молодость утекает от них через брешь уверенности в успехе следующих лет, науськанную однозначно более мудрыми предками. Они обязательно испытают возмутительное удивление, когда через десятилетия их собственная жизнь осточертеет им настолько, что они наконец-то дойдут до мысли - это вовсе не та жизнь, которую им хотелось. И тогда полетят головы. Заложники навязанных идеалов начнут свою жатву, начиная с самодурства на руководящей должности и заканчивая развалом дела всей жизни их горделивых отцов. Может это и пустые слова, но большинство девиц, снующих здесь из аудитории в аудиторию, больше думают об удачном замужестве, нежели о собственной самореализации, а парни...эти жаждут лишь денег, что сулят им будущие титулы. Образование превратилось в скучный процесс допуска к должностям, не имеющим ничего общего с достойной квалифика-

цией или же умением практического применения знаний в сфере дальнейшей работы." - задумавшись, Клос сам не заметил, что читает свой почерк, не вникая в суть написанного.

Этого и не требовалось, ведь собственные конспекты он знал наизусть и составлял их больше для виду, нежели для аккумуляции полученных знаний. Каллиграфическая ширма, коя нужна была Клосу лишь для отвода глаз не помогла ему отгородиться от первой красавицы вуза. Стройная, но одновременно выдающаяся в нужных местах леди, чьи груди с каждым её вздохом не бросали попыток сорвать позолоченные пуговицы блузки, а юбка кое-как укладывались в минимально допустимую длину, бесцеремонно прижалась к его руке, усевшись к нему вплотную. Рыжие кудри, вьющиеся каскадами миловидных завитков, коснулись щеки Клоса, от чего тот уловил лёгкий запах граната и персика.

- Ты вечно сидишь в своих книжках, но всем видом выдаешь свою незаинтересованность. - проницательная ведьмочка уже давно изучила мимику объекта своего внимания.

- Ты весьма наблюдательна, Аннет, однако нет необходимости указывать мне на это. - не отрывая взгляда от записей, Клос вновь перевернул страницу.

- Какая же ты бука! В вашей стране все мужчины такие? - надув щечки, лиса сложила руки на груди.

Точнее, было бы сказать под ней, от чего её бюст стал ещё более внушительным.

- Не ручаюсь говорить за всех, но наша культура достаточно отличается от местной. - не поддаваясь на очевидные провокации и не испытывая ни толики соблазна, Клос не отрывал взгляда от чтива.

- Это как раз хороший повод для обсуждения, а неплохое кафе недалеко отсюда я уже знаю. - перевернув холодные слова в отличную возможность, Аннет уже праздновала победу.

- Раз ты так наблюдательна, то скажи, выражает ли мое лицо заинтересованность сейчас? - резко повернув угрюмое лицо в сторону собеседницы, коварный игрок решил принудить её к отступлению.

- О, само-собой, я вижу её в тебе! Горящие страстью глаза, вздымающиеся ноздри и даже лёгкая улыбка. Это что ни на есть успех! - прикинувшись дурочкой, Аннет легонько ткнула указательным пальцем в щеку Клоса.

- Уважаемые студенты, начинаем наше занятие. - почтенный лектор не торопясь закрыл за собой дверь, едва не рассыпав кипу учебных материалов.

Аннет тут же отстранилась от своего потенциального жениха, но все же осталась сидеть рядом с ним. Это было ненадолго, ведь и так задержавшееся занятие было бесцеремонно прервано опоздавшим студентом в спортивной форме, с размахом открывшим врата одной из молелен храма знаний.

- Профессор, Майстера вызывают к заведующему. Мне велено сопроводить его. - басовито выпалил накаченный чурбан.

- В следующий раз стучите, иначе можете больше не рассчитывать на благосклонность с моей стороны в вопросах ваших прогулов - зная себе цену, профессор тут же попустил беспринципного юнца.

Клос знал, что весь этот сюр, разворачивающийся перед ним, не более чем фикция, к тому же не особо умная. Было ясно - даже если бы он и понадобился на кафедре, то точно не нуждался бы в сопровождении тупоголового конвоира, чей взор молчаливо буравил его, плеща злобой и ненавистью. Последовав выдуманному зову, Клос смело пошел по направлению к неизобретательному фантазеру, чей оскал проявлялся все более заметно. Совершая не хитрый манёвр, смертник успел заметить встревоженный взгляд Аннет, которая, казалось, хотела пойти за ним в след.

- Идем. - грубо толкнув цель своего задания, бабуин подмигнул Аннет, трясущейся от переживаний.

Дверь аудитории закрылась, после чего в пустом коридоре престижного университета развернулось непотребство, которого тот отродясь не видывал.

- Ты глухой? Я уже несколько раз сказал тебе не приближаться к ней! - прижав с виду казавшегося щуплым соперника к стене, двоечник не ожидал, что сопротивление окажется столь сильным.

- Тебе следует уделять больше внимания объекту своего обожания, нежели мне. - не сдавая позиций в холодном единоборстве, Клос не выражал какой-либо обеспокоенности.

- Смелости тебе не занимать. Видать разгромленный шкафчик и мои прошлые угрозы до тебя не дошли? - активная полемика, не свойственная ярому представителю семейства приматов вызывала у него активное слюноотделение.

- Я думал ты просто срываешься по чем зря за череду ваших поражений. Единственное в чем ты хорош, так это в спорте, но даже тут ты сдаешь позиции. - откровенно издеваясь над агрессивным чурбаном, Клос ощущал нарастающее давление его рук.

- Заткнись! Я про тебя все знаю, собственный папаша заслал тебя куда подальше, а ты и вякнуть не имеешь права! - перейдя в активную стадию обмена неприятными фактами, перешедший на личности спортсмен сразу разыграл коварный козырь.

- О, ты несомненно знаешь обо мне больше, нежели я о тебе. Однако не нужно быть особо проницательным, чтобы уловить слух о твоей безотцовщине. Твоя мама явно не справилась с воспитанием единственного сына, чья бесконтрольная агрессия и тупоголовость теперь позорит её собственное имя.

- Ах ты...

До кульминации насилия осталось совсем немного. Финальный импульс не заставил себя долго ждать.

- Команда красных панд и их сумасбродный капитан. Думаешь одноимённый зверёк, подаренный университету твоей матерью и её финансовое покровительство сего заведения ещё долго продержат тебя в нём одним лишь футболом? - Клос нажал красную кнопку.

- СУКА!

Сжатый кулак верзилы незамедлительно устремился к лицу языкастого обидчика, который ни капли не преувеличил приведённые аргументы.

Академия, где вот-вот должна была развернуться бойня, славилась своими успешными выпускниками по всему миру. По множеству всевозможных направлений в ней обучались сотни студентов, отличающихся не только знатностью своих семей, но и те, кто добился высоких баллов на государственном экзамене. Преподавательский состав не делил своих детей на знать и челядь. Ему было все равно, ведь академия издавна принимала к себе студентов, возжелавших знаний. Коррупции в стенах этого заведения не было от слова совсем, однако щедрые дотации, принимаемые исключительно для улучшения образовательного процесса, не были чем-то табуированным и всегда шли на благое дело. Спорт также был немаловажным атрибутом преподавания. Первоклассные тренера, всевозможный спортинвентарь, а также участие университетских команд в соревнованиях было нормой. "Красные панды", а именно так называлась футбольная команда при столь престижном учебном заведении, в лучшие годы приносила своей Альма-матер не только звание всесторонне направленного заведения, но и международные награды, получаемые с завидной легкостью. Но такая тенденция со временем сошла на нет и многие связывали это с приходом в капитаны парня, что именно сейчас собирался отмутузить Клоса.

Заранее заприметив не хитрый выпад, Клос умело опередил его ударом, который пришёлся обидчику аккурат в солнечное сплетение. Такого проворства явно не ожидал и сам футбольный коммандос, от чего его безрезультатные потуги вдохнуть не приносили должного эффекта.

- Запомни, твоя мамочка не всегда сможет задабривать всех вокруг тебя деньгами и милыми зверушками. Пораскинь мозгами вот о чем - хватит ли той животинки, что вы называете своим символом, дабы оставлять тебя капитаном ли же хотя бы местным студентом? - едва слышно подвел итоги победитель над ухом страдающего оппонента.

Не дожидаясь внятного ответа, который в общем то был не нужен, призер мелкого спарринга вновь зашёл в аудиторию, где уже во всю шла лекция, содержание которой он и так знал. Дело было не в том, что один из лучших студентов безумно жаждал знаний или же испытывал страх перед собственным отцом. Все было куда прозаичнее. Незнакомая страна со своими отличиями и контингентом вовсе не интересовала Клоса. В ней не было того духа и самобытности, как это было на его родине, а также не было полюбившихся ему музеев военного искусства, кинотеатров, транслирующих слегка устаревшую военную кинохронику и открытых исторических лекций о минувшем кровопролитии. Ах да, не стоит забывать, что как таковой регулярной армии, а также военной подготовки в нынешней стране его пребывания тоже не было. Клосу были неинтересны причины такой демилитаризации. "Никто в здравом уме и по собственной воле не отдаст свои здоровые зубы. Либо сильный выбивает их слабому, либо сам человек доводит их до гниения." - эта мысль, интерпретируемая на армию, давно зародилась в его голове и в целом соответствовала общим историческим знаниям.

Аннет, всем видом выказывающая беспокойство, но едва завидев невредимого, Клоса тут же перестала теребить один из множества своих рыжих локонов и расплылась в счастливой улыбке. Увы, её лучезарно выказываемая радость тут же сменилась печалью, ведь защитивший свои интересы герой, вернулся не на прежнее место, а отсел в самый дальний угол от нее, но не покидая первого ряда аудиторных мест. Клос не был напуган или же убежден словами корчившегося в коридоре мнимого громилы, он не праздновал победу и не думал о чувствах эфемерного приза, что теперь дулся и старался не смотреть в его сторону. Все это не трогало даже поверхностные слои его размышлений, ведь произошедшее казалось ему мелочью, сродни чистке зубов или же наслаждении прохладительным напитком. Никто всерьез не уходит в анализ данных действий, ровно как и Клос уже абстрагировался от нудной и безэмоциональной речи старика лектора в угоду своим внутренним рассуждениям на более животрепещущие темы.

«Какой толк от всех этих бумажек, если в действительности будущее творят люди с автоматами, а не с авторучками в руках.» - именно так Клос мысленно спорил с собственным отцом, который считал военное дело чем-то абсолютно неподходящим собственному отпрыску. Говорить об этом в слух не было нужды, ведь сын отлично знал позицию своего отца и уже наперед парировал свои аргументы его предполагаемыми высказываниями. Они оба были правы, но абсолютно не хотели друг друга слушать, ведь что о жизни мог знать юноша, чьи взгляды еще не успели напитаться реализмом? Да и как закоренелый промышленник мог понять мечту начинающего военного, что жаждал не ценных сделок и влияния, а крови врагов своей страны?»

Оды софизма, называемые в стенах учебного заведения «лекциями», пролетели незаметно для Клоса, бороздившего собственные мысленные просторы, невзирая на вопросы от лекторов, на которые он отвечал без необходимости выныривать из омута собственных мыслей. Не желая более тратить время на дополнительные занятия, смысл которых заключался лишь в увеличении денежного надоя с богатеньких студентов, Клос меланхолично побрел в сторону общежитий. О более комфортном жилище ему думать не приходилось, ведь Дирк по всем канонам воспитания не желал ограждать своё юное дарование от социума, надеясь, что тот отвыкнет от уставного общения с солдатней. К большому сожалению своего папаши, асоциальный сын не заводил бессмысленных знакомств из подхода налаживания высокоранговых связей, а также не бросал взгляды на пустоголовых девиц, считавших его собственный статус весьма перспективным.

Комнаты общежитий отличались достойной комфортностью четырёхзвёздочных отелей. Кровать, письменный стол, пара шкафов, тумба и переносной светильник в гармонии с большими окнами, без утайки пропускающими дары солнца, делали вид комнаты приятным глазу. Для сошедшего с военного пути рядового эти условия казались более чем приемлемыми, ведь военное училище, куда он по собственной дурости не попал в виду пленённости сентиментальностью к матери и сестре, предлагало условия проживания, сравнимые с фронтовыми. Постоянные военные сборы, выезды на стрельбища, а также маршировка на плацу делали Клоса невероятно счастливым. Истоком этого гейзера чувств, бившего в его сердце каждый раз, как только в его уши руладами заливался военный марш, были ему известны. Аккуратно разложив содержимое своего дипломата, Клос тут же рухнул на кровать с маленьким конвертом в руках. Письмо от Ют пахло домом – аромат складывался из прогорклой и удушающей тирании отца, а также богатства, что приторно и лживо оттеняло всю истинную сущность семьи Майстеров.

«Дорогой Клос, здравствуй. Устаешь? Мучает обескураженное состояние? Бредовое положение? Утайка бессмысленна и ерепениться не нужно. Игнорировать ситуацию – двойственная опасность…»

Отец не препятствовал общению своих детей, но писем от матери Клос не получал по понятным причинам, в отличие от Ют, с которой они общались каждые несколько дней. Такая переписка была роскошью по меркам окружающей обыденности, ведь срочная доставка писем обходилась в приличную сумму, что, однако, не волновало детей столь известной и богатой семьи. Будучи слегка уставшим, затворник все же припомнил, что уже отправлял Ют письмо, где вкратце описал свою невольническую жизнь в университете и вытекающие из нее занудные лекции, однообразные дни и столкновения с тем самым громилой из футбольной команды, который по субъективным домыслам ревновал его к собственному объекту вожделения. Сейчас сообщить чего-то нового не было возможности, а письмо его сестры и так скатывалось в рассказ о том, что она ела на завтрак.

- Напишу ответ завтра. – Клос погасил свет и с забвением придался пугающим, одновременно чарующим и таким ярким воспоминаниям, которые определили его судьбу наперекор самоуправству Дирка.

***

- Избавьтесь от них в темпе. Пленные нам не нужны, да и кому понадобятся эти прокаженные, когда эта территория станет нашей. – капитан боевого подразделения дал конкретные указания своим людям.

- Вперед! – солдаты, воинственно поднявшие винтовки над головой, ринулись к зданию, которое заметно выделялось на фоне покинутых построек.

«Нужно идти за ними, мне просто нужно идти за ними.» - один из солдат, замявшись на секунду, все же последовал за своими товарищами.

Холл местной больницы не встречал незваных варваров приветливыми медсестрами или же пациентами, спешащими на процедуры. Взамен этого повсюду прослеживался некоторый шлейф упадка, который несла за собой война. Облупившееся покрытие стен, кресло каталка, уперевшееся в стену, а также медперсонал, который с гордостью и честь до последнего остался опекать и выхаживать своих пациентов. Град выстрелов не напугал людей, чьи халаты обагрились в мгновение ока. У солдата, плетшегося в ряду последних, открывшаяся картина выбила землю из-под ног. Регистрационная стойка, а также стеллаж с медкартами и направлениями больше походили на решето, из которого неторопливыми струйками то там, то тут сочилась кровь. Звуки выстрелов, растекающиеся по коридорам медучреждения все дальше и дальше, дьявольским аккомпанементом дополняли крики людей, меркнувшие один за другим.

«Я…я…я должен идти…я должен идти!» - мысли в голове захватчика, застывшего посреди развернувшегося ужаса, отчаянно пытались сдвинуть его с места, несмотря на заходящуюся в его руках и ногах дрожь.

Стоять на входе с оружием на перевес было странным решением, но отбившийся пес западной армии впадал в безумие не от жажды крови, а от осознания того, что творится вокруг него. Переведя дух, дефективный воин решил отделиться от своего прайда. В его ситуации это не было мотивированно особым рвением к убийству. Скорее, он хотел как можно быстрее сбежать от криков, звучащих в противоположном от его собственного направления крыле. Здесь было не так страшно. Люди, лежавшие на больничных койках, не обращали на него никакого внимания и уже не имели сил задаться вопросом: «Почему эта тварь не шпигует меня свинцом?», а медсестры и врачи, суетившиеся подле них, презрительно смотрели на зверя, что пробегает мимо своих жертв.

Поднявшись на второй этаж, незапятнанный кровью невинных, боец резко остановился. С другого конца коридора он уже слышал душераздирающую симфонию плача, бессмысленных молитв и боли, прерываемых звуками выстрелов.

«Я должен…мне нужно… я не могу бежать.» - собрав свою решимость, одинокий солдат ворвался в ближайшую палату, где забившиеся в угол медсестры уже не храбрились защищать своих пациентов перед ужасающим лицом собственной смерти.

Человек миллионы лет эволюционировал из животного в то, что он есть сейчас, но как выяснилось, в обратную сторону и при должных условиях регресс протекает гораздо быстрей. Именно эта фраза промчалась по мыслям вооружённого убийцы, смотревшего на скандирующие эту фразу глаза жертв, в чьих душах смешались страх и ненависть.

Нелепо взведя винтовку, охотник никак не мог навести прицел на загнанных жертв. Стрелять в людей в форме недружественной армии было просто. Мушка, голова и собственный глаз. Объединив все это по траектории единой линии оставалось лишь нажать спусковой крючок. Но тут все было иначе. Старики, молодые девицы, чья жизнь еще только впереди и…и ребенок? Глянув на болезненного вида мальчугана, что ютился в объятиях одной из женщин, позарившийся на них мужчина тут уже понял, что он должен сделать.

- Б...быстро ложитесь на свои места! А вы упадите плашмя вот тут, а мальчик… – руки солдата еще раз дрогнули при виде недоверия со стороны тех, кого он вознамерился спасти, чего бы ему это не стоило.

Толпа людей не понимала извращенных желаний твари, зашедшейся в собственных фантазиях.

- Быстрее! Я не убью вас, но скоро они будут тут! – выдавая собственный страх, солдат убрал винтовку за спину.

Находясь в недоумении, люди в гражданском все же послушались сбрендившего мясника и сделали так, как он велел. Ведь какая разница как умирать? В добавок, приближающиеся звуки выстрелов пугали их больше, нежели недотепа, что возжелал вымолить грехи, от которых ему было не отмыться ничем и никогда.

- О, а чего ты тут забыл? Мы уже зачистили левое крыло. – измазанный в крови и пропитанный духом ужаса сослуживец зашел в палату буквально через минуту и улыбался так, словно прошел не через бойню, а через первоклассные спа-процедуры.

- Я…я тоже закончил. – обманщик мысленно молился лишь за то, что бы никто из бутафорно убитых тел не издал ни звука.

- Первый этаж зачистил сам командир. Даже странно, обычно он не выполняет задачи вместе с нами, но по всей видимости ему тоже иногда нужна разрядка. – задумчиво хмыкнув, коллега перевел взгляд на нераскрытого обманщика. – Почему ты сразу побежал на второй этаж? И почему отсюда не было слышно ни одного выстрела?

- Те жалкие черви должны были познать страх. Я специально сказал, что приду позже, дабы они успели прочувствовать его. Они бы не сбежали. У них на рожах читались безвольность и ужас. – артистично описав несуществующие события, негласный дезертир уже надумывал расслабиться.

- А почему эти выглядят так, словно умерли от сердечного приступа? – не унимался смельчак, стрелявший в беззащитных без задней мысли.

- Ну…как сказать. Я задушил их. – не шелохнувшись, оправдался коварный лжец.

-Э…ну…патронов у нас и так было достаточно, но я смотрю ты тот еще извращенец. Ладно, спускайся как налюбуешься на свой труд. – хлопнув по плечу своего камрада и не заподозрив обмана, свидетель лжи ретировался в коридор.

- Пока побудьте здесь. Мы разобьем лагерь у входа. Не высовывайтесь и не шумите. – выдав маленькую инструкцию спасенным, бесчестный спаситель вышел из палаты и закрыл за собой дверь.

Солдатик, показавшийся сумасбродом притаившимся в палате везунчикам, пулей выскочил из нее и хлопнул за собой дверью.

- Отряд! Работа выполнена отлично. Пока отдыхаем, а через час собираем трофеи и выдвигаемся дальше. - восседая за накрытым столом, капитан отряда с блаженством протирал шёлковой тканью свой револьвер, напитавшийся кровью беззащитных.

Солдаты были воодушевлены должной похвалой и тут же принялись увеселяться игрой в карты, выпивкой, а также историями о том, как приятно было умерщвлять врагов их родины. Лишь один лже-убийца, отстранившись от своих собратьев, не участвовал в кровавой пирушке. Его обуревали смешанные чувства, а также предположение, что любая еда, будучи сейчас им проглочена, тут же полезет обратно. "Действовать нужно сейчас!" - в голове девианта данный призыв возник сам собой.

- Капитан! Разрешите заняться осмотром транспорта! - отсалютовав педантичному начальству, солдат вытянулся по стойке смирно.

- Вольно, солдат. Только отгони эту тарантайку подальше, а то от её тарахтения я оглохну. - придирчивый глава отряда махнул рукой и вновь взялся за бокал вина.

- Есть! - не поверивший своему счастью солдат тут же схватил ключи от экспроприированного у местных жителей грузовика и распахнул дверь в его кабину.

Салон был на удивление опрятным для грузовика, работавшего в поле, а мелкие детали в виде семейной фотографии, накидки на сидение, а также украшенного ручной оплеткой руля выдавали то, что для кого-то это место было вторым домом. Усевшись на место водителя, окончательно решившийся дезертир заехал за больничной здание, дабы не тревожить никого шумом и выхлопными газами. Истинные его намерения были куда более грандиозными, нежели копание в допотопном движке. В некоторой степени раритетный автомобиль невзрачной наружности аккуратно подкатил к обратной стороне больницы, где на втором этаже ещё теплилась горстка жизней. Кузов автомобиля поравнялся аккурат с окном в помещение, где имело место быть вопиющее нарушение приказа, но в то же время столь необычное проявление человечности.

Буквально выпав из кабины, угонщик тут же забрался на тент кузова и аккуратно постучал в окно второго этажа.

- Выходите живее! - за то, что кто-нибудь из вояк его услышит солдат не беспокоился, ведь рев двигателя уверенно пожирал все звуки вокруг себя.

Движения, как и ответа не последовало.

- Черт возьми, неужели они сбежали. Нет, да как бы они… - в слух выругался горе спаситель.

Бормоча что-то себе под нос, высотник разбил окно ударом пистолетной рукояти и отдёрнул оконный засов. Внутри не было видно ни зги. Пробравшись в оконный проем, неуловимый дезертир огляделся по сторонам. Лунный свет освещал лишь часть малую часть больничной палаты, пока большая ее часть куталась в безмолвный мрак.

- Да где же вы… - заметно занервничав, солдат услышал едва уловимый шорох прямо за своей спиной. – Ну наконец…

Его череп тут же зашелся в гуле, раздающемся из единой точки чуть ниже затылка. Чертыхнувшись вперед, жертва продуманной, но недостаточной атаки обернулась и заметила плачущую медсестру, чьи руки заходились дрожью и выронили табурет после неудачного покушения.

- Слава богу, вы еще тут. – отдернув перепачканную кровью руку от головы, солдат не смог сдержать радости. – Я…я…я не желаю вам зла. Я обещаю, что довезу вас до безопасного места и сдамся. Без меня вы не уедите далеко на той колымаге, так что живо спускайтесь по кабине и садитесь в кузов.

Рана была крупной, но не глубокой, да и вообще, она больше походила на царапину, неумело, но с пристрастием нанесенную руками женщины, борющейся за свою жизнь.

Две медсестры быстро выпрыгнули в окно, но не пустились в бегство, а смиренно ждали, стоя на верхушке подрагивающей кабины грузовика. Третья женщина, будучи более щуплой, чем ее коллеги, осталась в палате вместе с агрессором, мотивы которого были не понятны. Установившаяся команда без промедлений начала помогать пациентам перелезать через оконный проем и медленно спускать их на землю. Не сказать, что работа одного вояки и трех хрупких девушек строилась как надо, однако через десять минут шесть пациентов, включая молчаливого ребенка, стояли возле кузова грузовика, мотор которого постепенно приближался к точке кипения.

- Так, пациенты садятся назад, но кто-то из вас должен показать мне дорогу до ваших войск. – окидывая взглядом толпящуюся группу, солдат заметил девушку в медицинском халате, слегка вышедшую вперед.

Все бы ничего, но подрагивающий мальчуган, которому на вид было лет пять, никак не желал отцепиться от ее фартука, всем видом показывая, что между ними уже укрепилась прочная связь. Картина была умиляющей, но времени на сентиментальности катастрофически не хватало. Командир мог в любой момент дать команду приступить к мародёрству, которого солдаты с нетерпением ждали по окончанию своего бахвального пиршества. Им только дай возможность, как с зачищенной территории мигом сметалось все, что могло бы представлять ценность. Учитывая, что в данном случае объектом для варварства была больница из нее могли выносится медикаменты, продовольственные запасы, а также ценности, которые убитые хранили в своих тумбах или же вовсе на себе.

Укомплектовавшись в грузовик, новоиспеченный вождь отряда, состоящего по большей степени из немощного гражданского населения, медленно покатил в сторону, указанную сидевшей с ним рядом медсестрой, у которой на коленях все активнее куксился самый юный беглец. Все шло гладко до того момента, как со стороны больницы послышались выстрелы. Понимая, что проделанное ими расстояние еще нельзя было назвать безопасным, а резиновый тент вряд ли защитит людей от пуль, солдат тут же вдавил педаль газа в пол и помчался прочь от своих сослуживцев. Чуть позже выяснилось, что пострадавших в ходе обстрела не появилось, однако мальчуган, на глазах у которого зеркало бокового вида разлетелось от попадания шальной пули, все сильнее заходился в истерике и прижимался к груди своей суррогатной матери.

Дорога была ухабистой и неровной, отчего нестись по ней с максимальной скоростью не представлялось возможным. Беглецы были рады и медленному продвижению, однако совсем скоро их ожидал сюрприз, который навряд ли мог бы быть радостным. Указатель заполненности бензобака медленно клонился к крайней точке, которая всегда наступала невовремя. Молчаливая медсестра все реже и реже дававшая указания водителю в военной форме резко обернулась в его сторону и указала в даль. Светало. Утренние лучики солнца шаловливо искрились и гуляли по хромированному краю капота, разливаясь колосьями света. Некоторые из них непременно норовили скользнуть по глазам вояки, который также начал всматриваться в горизонт.

Выстрел. Разрезавший утреннюю тишину хлопок раздался со стороны городка, к которому подъезжали вымотанные дорогой беглецы в компании преступника, чей грех никогда не получится искупить даже столь благородным поступком, вершимым им прямо сейчас.

- Мы должны показать, что мы свои. – отстранив от себя малыша, девушка высунулась в окно и стала размахивать рукой с белой сестринской пилоткой, покрывавшей до этого ее волосы.

Подрагивая всем телом, мальчуган уселся между солдатом и салютующей сестрой и просто уставился в пол. По нему было видно - он заметно испугался неизведанности, что ждала его в момент, когда грузовик остановится. Вскоре это и произошло. Уставший железный конь, больше напоминающий собой измученного возрастом вола, остановился возле группы людей с оружием на перевес. Боевой отряд тут же окружил подозрительный транспорт, но только завидев в его кузове стариков в пижамах, тут же начал выгружать их из него.

- Выходите с поднятыми руками. – со скрежетом в голосе скомандовал офицер, возглавляющий отряд и направивший оружие на водителя, чье лицо было напряжено каждым своим мускулом.

Герой, спасший людей из лап своих же товарищей, успел выкинуть собственную форму в окно, но армейская майка и боевая татуировка на груди выдавали в нем вражеского бойца. От своего прошлого невозможно отречься банальной сменой гардероба, поэтому он просто готовился принять свою судьбу. Сестра, сидевшая рядом с ним, уже выпорхнула из кабины авто и отчаянно пыталась уговорить мальчика отпустить руку вцепившегося в руль мужчины. Наблюдая процесс уговоров, пара бойцов с винтовками наизготовку не спускали глаз с молчаливого водителя и не вмешивались в процесс переговоров с ребенком, но, судя по всему, их терпение постепенно стачивалось сложившимися обстоятельствами. Ребятенок все же боялся незнакомцев с оружием и никак не желал покидать кабину авто, молчаливо уткнувшись в плечо своего спасителя.

- Сейчас я выйду и передам вам ребенка. – медленно показав пустые руки, водитель подхватил своего маленького пассажира на руки, оставляя ладони на виду.

Окружившие машину бойцы не спешили предпринимать действий и просто держали на мушке врага, что мог в любой момент прикрыться ребенком или выкинуть еще какой трюк. Но их ожидания не оправдались. Медленно повернувшись в сторону заранее открытой водительской двери, мужчина с ребенком на руках не торопясь шагнул на подножку, а уже с нее коснулся земли, на которой и не предполагал очутиться всего сутки назад. Малыш, сидевший у него на руке, не выказывал беспокойства и просто уткнулся ему в плечо, не желая смотреть на напряженные лица вооруженных людей. В это время сестра, проводившая безуспешные переговоры, незамедлительно подошла к нетипичной для фронта парочке и силком оторвала ребенка от того, кто с секунды на секунду должен был превратиться в кровавое решето. На ее удивление ребенок активно сопротивлялся подобному отторжению, но не мог долго игнорировать изворотливые женские руки. Едва покинув своего хранителя, мальчишка тут же зашелся слезами, глядя на то, как тот медленно убирает руки за голову и опускается на колени.

«Моя жизнь кончена. Я не надеюсь, что эти люди запомнят меня как своего спасителя, но хотя бы их крови нет у меня на руках.» - не обращая внимания на активно окружающих его вооруженных людей, покаянный закрыл глаза и в эту же секунду получил мощный удар в затылок, который был кратно сильнее и намного увереннее, нежели замах табуреткой.

Сознание сиюминутно покинуло чужака, надеявшегося на быструю кончину, но так и не получившего ее.

***

- Этот сукин сын поплатится...обязательно поплатится - угрожающий шепот едва ли мог разрезать покров ночной тишины более чем на расстояние вытянутой руки от его собствен-

ного источника. - Эта шваль не ведает, что городит. Перемолоть бы ему лицо в труху, да руки переломать как веточки.

Злобный заговор, проходивший на колыбельную для гнева, лишь распалял его своей изобретательностью. Эти слова были не простой попыткой выговориться или же бормотанием во сне. Каждая буква, составляющая их, проржавевшим скрежетом отдавалась в комнате студенческого общежития.

- Надо пройтись и освежиться. - злопыхатель, озвучивший самому себе сокровенные желания, применимые в его фантазиях к неизвестному, принял единственное правильное решение.

Ночной холл университетского общежития не оставил ни следа от дневной суматохи и беготни, кои были ему присущи в дневное и вечернее время. Осенняя прохлада и свет из-под дверных щелей некоторых комнат сразу наводил на мысли о текущем досуге некоторых студентов. В стенах столь старого учебного заведения не было полового разделения, несмотря на всеобщность такой практики. Это объяснялось высокой нравственностью студентов и нежеланием руководства вуза ориентироваться лишь на один пол, тем самым ограничивая доступность образования. Само собой, разговоры о меркантильности такого подхода тоже имели быть, ведь если твои родители влиятельны и обеспечены, то и ты без половых предрассудков однозначно будешь таковым, а значит - желаемым в данном учебном заведении.

Каждого, кто спускался с жилых этажей на первый встречал благородный антураж, подобающий элитам. Стеллажи с наградами как выпускников так и действующих студентов, стена истории вуза, проход в первоклассную столовую, больше подходящую если не на ресторан, то на кафе уже точно, а также библиотечный уголок, прозванный так в шутку, ведь "скромное вместилище рукописных знаний" было по масштабам больше многих местных библиотек. Все эти элементы дополнялись любимцем всех студентов, который проживал вместе с ними на особых правах. Красная панда по кличке "Али" проживала в самых комфортабельных условиях по меркам всего жилого корпуса. Персональный вольер для маленького проказника мог бы запросто вместить в себя свору таких как он, поэтому, будучи единственным его жителем, он катался как сыр в масле. Самому обожаемому жителю были обеспечены комфортабельные условия проживания в виде: каскада питьевой воды, бассейна с тёплой водой, растительности из ареола его обитания, а также на протяжении всего дня к нему был приставлен смотритель, главной задачей которого был уход за его пушистым величеством. Немудрено, ведь красная панда была символом университетской футбольной команды и ни раз участвовала в фотосессиях, посвящённых её победам, коих в последнее время стало кратно меньше.

Студент, шастающий по окутанному тьмой корпусу, без труда нашел аппарат, где любой желающий мог купить диетическое угощение для прелестного Али и бросил в него монетку. Он проворачивал этот манёвр десятки раз до этого, ведь умилительный представитель экзотической фауны не мог не вызывать желания его угостить. Вкусняшка без промедления упала на ладонь учащегося, который тут же присел на корточки. Отверстие в стекле, специально предусмотренное для благотворительного кормления, было устроено таким образом, чтобы ладонь идеально проходила через него, в отличие от тельца и головы зверька, если вдруг ему взбредет в голову сбежать. Али быстро отреагировал на знакомое шебуршание и уже тянул свою слегка заспанную, но заинтересованную моську к ароматной ладони. В столь рьяной дружелюбности не было ничего удивительного, ведь он привык к подобным актам вторжения на свою территорию и не выражал агрессии на подобные вмешательства. Принявшись за лакомство, Али более не мог обращать внимание на то, что рука, выдавшая ему лакомство и теперь расставшаяся с ним, медленно поглаживает его мордочку между ушек.

- Тварь. Разеваешь свою паршивую пасть. Сдохни... - ужасающий шепот прервался надрывом.

Рука, дарующая хлеб, неожиданно для маленького зверька решила пролить его собственную кровь. Все было быстро, поэтому Али, слегка дрогнув всем телом, обмяк и выронил недоеденный брикет, которые он так обожал и принимал от рук десятков студентов ежедневно. Зверёк не мучился. Крепкая хватка предательской десницы раскрыла свой капкан и оторвалась от шейки ещё тёплого талисмана, дабы утонуть в ночи, не прорезаемой тусклым светом вольера, потерявшего своего единственного жильца.

Дар

Аромат тушеного мяса, неторопливо разливающийся по помещению, наконец то достиг носовых пазух особенного пациента, чьё сопение тут же сменилось невнятным бормотанием. Габи не хотела будить Пола, но удовольствия в остывшем блюде было бы вдвое меньше, поэтому, следуя столь логичным доводам, она ласково взяла своего подопечного за плечо и слегка потрясла за него.

- Пол, вставай, завтрак остынет. - улыбка не могла не занять лицо заботливой посетительницы от очередной встречи со старым другом.

Долгого пробуждения не последовало, ведь за последнюю неделю Пол не только не уставал, но и умудрялся даже слегка прибавлять в весе, что несомненно пошло на пользу его худосочному телосложению. В этом нет ничего удивительного, ведь боевая подруга раненного не только помогала ему в реабилитации, но и активно заботилась о его благосостоянии, что несомненно способствовало его ускоренному выздоровлению.

- Доброе утро, Габи. - широко распахнув глаза, Пол тут же залился лёгкой краской. - Я же говорил тебе, что сам смогу спуститься в столовую. Не следует столь сильно опекать меня.

- Пока ты сам проснешься там уже ничего не останется. Да и сейчас твой курс приёма препаратов подходит к завершению, а это может вызывать излишнюю сонливость и аппетит. - аккуратно положив тарелку с увеличенной порцией на тумбу, кормилица села на край койки.

- Большое спасибо. Я не знаю, как благодарить тебя за всю твою заботу. - сам того не замечая, Пол уже держал в руках тарелку с едой и заносил ложку для начала трапезы.

- Как же я могла не помочь старому-доброму Полику. - улыбнувшись, Габи молча наблюдала за увлёкшимся кушанием пациентом.

Выздоровление Пола действительно проходило семимильными шагами. Мало того, что после операции ему был предоставлен должный уход, так и тайный покровитель, следивший за его здоровьем, не поскупился на один из ведущих реабилитационных центров мира. Но все зависело не только от внешних факторов, ведь Пол и сам приложил не малые усилия по собственному восстановлению. По началу лёгкие циклы дыхательной гимнастики и физической нагрузки давались ему с большими усилиями, но со временем он все активнее и самоотверженнее приводил себя в порядок под контролем специалистов и Габи, заглядывающей к нему на протяжении дня.

- Я никак не могу дозвониться до нее. - разделавшись с едой, Пол направил свой взор на окно, за которым не было ничего кроме лениво и бесцельно плывущих облаков.

- Возможно неполадки со связью. Ты же сам знаешь, как тяжело дозвониться в наше захолустье. - утешительный тон Габи вселял некоторую надежду.

- Мне нужно как можно скорее связаться с мамой…а лучше съездить к ней. Она наверняка не находит себе места. - беспокойство обуревало Пола и до этого, но с каждым разом, слушая затянувшиеся телефонные гудки без ответа, оно росло в алгебраической прогрессии.

- Пока что тебе противопоказанны дальние путешествия. Да и к тому же после выписки нужно наблюдение врача. - хозяйственная глава сестринского персонала разделяла беспокойство за миссис Хендерсон, но ни за что не позволила бы лишь недавно вставшему на ноги Полу сорваться в рискованный путь.

Глядя на обеспокоенного судьбой своей матери сына можно было легко прочитать тревогу, играющую в его взгляде и движении лицевых мышц. Уже успел минуть месяц с начала активной реабилитации Пола, но он так и ни разу не смог услышать человека, что был для него самым близким и ценным. На фоне сложившейся ситуации Пол все же не падал духом и с большим упорством участвовал в собственном лечении, которое его ожидало и сегодня. Встав с кровати под излишне обеспокоенные вздохи Габи, старатель резво направился в кабинет

физиотерапии. Он лишь недавно смог дышать полной грудью, что было для него великим счастьем, а также неожиданностью для его собственных ног, не привыкшим к продолжительным пробежкам на умеренной мощности беговой дорожки. Процедуры занимали добрых три часа в день, но безоговорочно проигрывали вечерним прогулкам на свежем воздухе, где в компании выкроившей время Габи, Пол буквально сиял от счастья. Причина такого подъёма заключалась не только в свежем воздухе и живописных видах вокруг реабилитационного центра, но и в подруге детства, вышагивающей рядом. Ностальгия как дурман охмеляла парочку, вспоминающую забавные эпизоды беготни по лужам, барахтанья в снегу и кучах осенних листьев, а также прогулок по родному городу, где каждый уголок был ими изучен. Сегодня также предполагалась прогулка воссоединившейся по воле случая парочки, поэтому Пол, завершив кардиотренировки под пристальным надзором врача и медсестры, тут же отправился на сон час.

Больничная койка была куда более удобной, нежели старенький диван, что хранил покой Пола на протяжении нескольких лет. Аккуратно водрузив на неё своё далекое от атлетики тело, Пол тут же сомкнул глаза, но сон не шёл к нему на встречу. Слова Диты Майстер, болезненное лицо матери, с которым он запомнил её сильнее всего за последнее время, а также его собственные руки, по локоть запачканные кровью Виджея Миллера - все это болезненным и колючим комком прокатывалось по нутру Пола уже не в первый раз.

- Я должен скорее попасть домой. - Пол попытался отгородиться от многократно перемусоленных мыслей, но каждый раз находил для себя новые вопросы.

"Пьет ли мама препараты, что я привозил ей в последний раз? Справляется ли она с шкодливым Инцинатом? Что сейчас с телом Виджея и почему семейка Майстеров не покончила со мной в своём доме?" - на некоторые немые вопросы у Пола не находилось ответа, однако одно он знал наверняка - спонсором его лечения был никто иной как Дирк.

Не нужно быть гением, чтобы связать воедино все то, что Пол помнил ещё до того, как ему против воли сменили имя. Поэтому он с уверенностью знал, что Дита уж точно не смогла бы организовать столь сложную операцию так быстро, да еще и в тайне от мужа. Перевозка в больницу, срочное оперирование, переправка за границу и финансирование лечения уж точно не остались бы без вмешательства главы семейства.

"Неужто они знают про Виджея?" - Пол содрогнулся лишь от одной мысли, что кто-то кроме него является хранителем этой ужасной тайны. Резонный вопрос беспокоил дебютировавшего убийцу на протяжении каждой ночи. Сожаление, смешанное со страхом, ледяными оковами побрякивало на сердце парня, чья судьба могла надломиться в любой момент. Сам он не раз думал сдаться полиции, но все это размышление стремительно схлопывалось, стоило ему представить лицо матери, узнавший весть о его тюремном заключении. Он не мог допустить этого. Изможденный едкими как кислота мыслями, Пол страдальчески провалился в сон.

***

- Нет, Вернер, не нужно так высоко! - предупредив замах молотка, Олк облегченно выдохнула, поправляя плед посапывающего Райнхарда.

- Мне показалось, что так будет неплохо. - виновато улыбнувшись, Вернер приспустил картину морского пейзажа на уровне собственных глаз и приступил к работе.

Светлая и просторная квартира, в которой теперь проживала новоиспечённая семья из трёх человек постепенно приобретала вид, отвечающий вкусам каждого жильца. Райнхарду была выделена отдельная комната, где его душу радовала не только картина, которой занимался Вернер, но и вид на тот же собор, без которого он уже не представлял свой день. К великому счастью старика, его старательный сын сутками отслеживал всевозможные предложения об аренде, дабы найти более просторное жилье, где все они могли разместиться с комфортом, а главное - аккурат с другой стороны все того же собора. Да, весь переезд Райнхарда не занял и часа, ведь путь до нового жилища даже у него отнял от силы пятнадцать минут. Теперь оконный проём не был целиком занят архитектурным шедевром прошлого века, но позволял

рассматривать его с боковой стороны, а также любоваться небольшим примыкающим парком, где иногда проводились песнопения. Как бы не чувствовал себя прикованный к постели старец, он каждое утро ожидал долгожданной службы и уже с вечера бронировал себе провожатого. Чаще всего таковым выступал Вернер, ведь пока он занимался переездом, ему было не до поисков новой работы, и он с радостью проводил время с отцом на территории "Божьего дома" в периоды отрыва от бесконечного обзвона риэлторов.

- Я приготовлю ужин. - погладив Вернера по руке, Олк неторопливо прошагала на кухню.

Гвоздь за один умелый удар вошёл в стену и смиренно принял на себя груз полотна, которое было куплено стариком ещё в молодости. Вернер также испытывал теплые чувства, глядя на бушующее море, изображенное умелыми мазками неизвестного художника. Ещё будучи ребёнком, он вместе с братом частенько вдохновлялся на игру в пиратов, представляя себя на судне посреди висевшего рядом разверзнувшегося водяного ада. Припоминая баталии Верна рыжего и Удо седобородого, здоровяк не мог не улыбнуться. Теперь воспоминания о брате не приносили ему душевных терзаний, и он не только стал лучше спать, но и умудрялся припоминать эпизоды собственного прошлого, ранее сокрытые пеленой боли. Стоя с молотком в руке, Вернер неожиданно осознал, что блуждания по собственной памяти сейчас не столь важны как помощь Олк в приготовлении ужина, поэтому, проверив покой Райнхарда, выполнивший свою задачу ремонтник отправился вслед за своей любовью. Кухня со свежим ремонтом не отличалась экстраординарным хайтеком в глазах Олк чего нельзя было сказать о Вернере. Соковыжималка, скороварка, духовка с несколькими режимами, комбайн для разморозки - Вернер не только никогда ранее не пользовался таким набором, но и не понимал в нём смысла. "Для готовки харчей ума много не надо - котелок, огонь да нож." - такой философии придерживался Райнхард, за которым вслед последователем удобного аскетизма стал и Верн.

Подойдя к холодильнику, су-шеф тут же достал оттуда свежие помидоры и зелень, дабы приготовить соус к спагетти, для которых Олк уже нарезала мясо.

- Ай! – взвизгнув, Олк тут же схватилась за палец и начала высасывать кровь из образовавшей на нем раны.

- Ты как? Давай я посмотрю и обработаю рану. – Вернер, не успев должным образом предотвратить травму, всеми силами пытался помочь разгрести ее последствия.

- Нет, Верн, все в порядке, тебе не нужно беспокоиться. Промою руку водой, а ты пока возьми на себя роль повара. – подмигнув излишне обеспокоенному партнеру, Олк вновь принялась останавливать кровь.

Данный бытовой эпизод мог бы показаться незначительным для любого, ведь никто не пострадал и ничего столь трагического не произошло, но у Вернера на этот счет были другие мысли. Успев разузнать у Олк о ее здоровье, глава семейства старался не показывать своего беспокойства, но и полностью скрывать его так же не мог. Врачи смогли остановить ухудшение зрения привлекательной пациентки, но полностью свести на нет последствия удара они попросту не могли. Поэтому, два раза в день Олк была вынуждена пользоваться не только косметикой, но и лечебной мазью для глаза, слезившегося от любой мелочи. Вдобавок, постоянная нагрузка на здоровый глаз повлекла за собой определённые неудобства. Вернер не раз замечал, как ловкая визажистка нервничает из-за нанесения макияжа, которое ранее занимало несколько минут, а сейчас превратилось в кропотливую работу, частенько шедшую не по плану. Олк также старалась не подавать виду, но ее травма давала о себе знать и в других делах. Врачи говорили, что при соблюдении рекомендаций, ее левый глаз сможет компенсировать падение зрения правого, но прежняя острота зрения ими уже не достижима. Молодая и непессимистичная особа не отчаивалась из-за таких прогнозов, но неудобства преследовали ее повсюду, чего не мог не заметить ее кавалер. Просыпанная по неосторожности мука, порезы пальцев от неточной работы ножом, трудности в чтении, а также участившиеся случаи спотыкания при

прогулках заставляли страдалицу нелепо отшучиваться, в то время как сам Вернер, пускай и сквозь улыбку, все больше и больше беспокоился за нее.

- Олк, присядь, сейчас я мигом соображу нам поесть. - поцеловав обмотанный пластырем палец раненой пташки, Вернер начал шинковать мясо и овощи.

Улыбнувшись, отстраненный от готовки шеф спокойно присел на стул, но Вернер прекрасно видел переживания, кроющиеся за её натянутой улыбкой. Он знал, что для Олк красота не являлась первостепенным требованием к себе, но она была неотъемлемой частью её образа, которым стоило гордиться и восхищаться. Вернер окружал заботой не только своего старика, но и женщину, что была ему так дорога. Самому ему повезло не только отделаться лёгкой операцией, не сулившей последствий, но и непринужденно оказаться в компании самых дорогих ему людей, собравшихся под одной крышей. Звучит как сказка, однако, бурление гнева и обиды за искалеченное здоровье близких раскатистым громом проходилось по всему нутру Верна, стоило ему остаться наедине с собой. Сотни раз ему в голову приходила мысль о том, как жалкий червь, взявший на себя роль смотрителя порядка и нацепивший на себя форму полицейского, вынуждает Олк слоняться по улице, да бы не слышать его истошного визга. Такому свинству не было оправдания, оно не могло перекрываться любовью молодости и мечтательными амбициями будущего. И если бы в Бруно оставалась хотя капля достоинства, то он бы не препятствовал их уходу в ту самую ночь. Как капитан, чинно стоящий на палубе тонущего корабля, не пытается распихать подчиненных для собственного спасения, как Нерон, льющий усладу стихов на огонь Рима и как крестьянин, начищающий сбрую давно умершего коня, бывшего не инструментом, а кормильцем. Достоинство – вот награда за смирение. Вернер болезненно переживал ту ночь и нет, дело было не в пулевом ранении, выведшем его из поединка. Ноющая печаль снедала его тем, что до недавнего времени и он и Бруно были слишком похожи.

Будучи в раздумьях, кухонный дирижёр сам того не замечая использовал все более экспрессивные телодвижения, выливая свой раскаленный запал не в ругательства, а в созидание, выражающееся в приготовлении блюда. Когда последние штрихи обрамили яство необходимой солоноватостью и перчинкой, все собрались за столом, включая и Райнхарда, который уже успел вернуться к своему залихватскому по меркам его возраста аппетиту. Небрежно ковыряя вилкой свое собственное творение, Вернер не обращал внимания на то, как его отец уже вовсю пустился травить байки увлеченной Олк. На заднем фоне своих раздумий он слышал хохот Райнхарда, уточняющие вопросы Олк, а также сплетение их голосов, когда они увлекались историями больше, нежели едой. Не попробовав ни ложечки своей стряпни, Вернеру все же стало интересно, о чем зашла беседа у двух собеседников, чей разговор больше напоминал щебетание утренних соловьев. Стоило лишь на секунду уйти в себя, и беседа тут же перешла в балаган.

- И усадил вот я его за руль, а у него ноги до педалей не дотягиваются и ничего кроме приборов он не видит. И…и представь, поворачивается ко мне и говорит: «Я объеду весь мир!», так я чуть со смеху не умер! – состроив ребячий взгляд, Райнхард тут же прыснул стариковским хриплым хохотом, который подтянул за собой такой прелестный, но слегка обидный смех Олк.

- Ты был таким душкой! А я вот помню, как он купил мне целую гору воздушных шаров, и дети в парке то и дело просили их у него, думая, что он огромный рыжий клоун-продавец. Его лица им было просто не разглядеть, а рыжие волосы говорили сами за себя. – бросив взгляд слегка увлажнившимися от смеха глазами на недовольный комочек ребячьего стыда, сидевшего чуть поодаль, Олк и не подумала оторваться от кладезей воспоминаний, разоряемой ими на пару с Райнхардом.

В какой-то момент, Вернер, все активнее и активнее вслушиваясь в разговор за столом, сам того не замечая сменил монотонное пережёвывание как пищи, так и своих тоскливых мыслей на прогулку по красочным воспоминаниям, некоторые из которых он даже сам успел позабыть. В прошлом статный и крепкий Райнхард в военной форме часто притягивал к себе

взгляды как молодых красавиц, так и статных дам, прогуливающихся по парку. Их восторгу не было предела, когда запыхавшиеся от беготни Верн и Удо бежали ему на встречу с выкриками: «Отец!». Многочисленные мгновения свиданий с Олк, которые казались таковыми, но выливались в мимолетные часы наслаждения и радости. Стоило Вернеру хоть на минуту покинуть свою музу, как мордовороты и поверившие в себя тюфяки тут же пускали на нее слюни и даже пытались предпринять попытки с ней познакомится ровно до того момента как Вернер не появлялся в поле их зрения. В такие моменты рыцарь с оранжевым плюмажем не чувствовал себя сторожевым псом, ведь бывали моменты, когда сама Олк наглядно показывала надоедливым прилипалам, что с ней шутки плохи. Вылитый на голову неудачливому казанове бокал мартини или же колкая фраза в его сторону точно давали понять – пора уносить ноги.

Закончив ужин на веселой ноте, Верн кое-как остановил стихийное состязание по нахождению самого уморительного воспоминания о себе. Будучи по праву единственной полностью дееспособной единицей, он отправился на кухню мыть посуду. Улыбка от тёплого семейного ужина не покидала его лица. " Как же хорошо, что они так ладят." - подумал он и принялся за работу. Да, посудомойке, встроенной в гарнитур, сегодня не было предначертано выполнить свой долг, ведь приверженец ручного труда не только воистину любил его, но и боялся непреднамеренным поворотом не того рычажка вызвать затопление. Уборка прошла быстро, и Вернер с превосходством посмотрел на новомодную технику, словно указывая: "Не забывай кто тут хозяин.". Вытерев руки, аналоговый победитель уже было собрался пройти в гостиную, если бы не перешептывания, что он краем уха уловил из комнаты Райнхарда, возле которой его тело остановилось само собой.

- Олк, присмотри за Верном, когда меня не станет. - едва слышно, но очень внятно сказал укрытий пледом старик. - Уж он то точно от тебя не отцепится, но если вдруг ему в голову взбредет такая глупость, то помяни мое слово - я лично вернусь с небес чтобы надавать ему тумаков.

- Ну что вы такое говорите? Вы обязательно поправитесь и своими ногами пойдете с нами на прогулку. - тепло улыбнувшись, Олк старательно взбила подушку просящего.

- Да...хотелось бы посмотреть на внуков... - постепенно погружаясь в манящую дремоту, Райнхард причмокнул губами.

Услышав последние слова, Олк пробрала рябь мелкого холодка. Она не видела смысла отнимать у старика надежду на продолжение рода. Она не имела на это права, ведь основная причина несбыточности его мечты таилась в ней самой, но не в Вернере. Она старалась не думать об этом. Старалась, но резко напитавшиеся влагой веки говорили об обратном.

- Мы... - слегка дрожащими голосом, Олк предприняла усилие быстро подавить горечь и не выдать ее.

- Мы обязательно сделаем твоих внуков счастливыми. - приобняв дрожащую Олк, Вернер улыбнулся отцу.

Не было ясно услышал ли последние слова Райнхард, ибо его глаза уже были закрыты под весом тягучей сонливости, но троящееся беспокойство Олк сию секунду убыло в ноль. Дело было не только в крепкой руке Вернера у неё на плече или же в том, что ей не пришлось оправдываться перед Райнхардом. Якорем спокойствия выступили слова. Она и Верн любят друг друга, в чем глупо было бы сомневаться.

Проследовав в гостиную, Олк и Вернер начали готовиться ко сну. Раскладной диван, являвший собой исполинский вид даже в сложенном состоянии при щелчке механизма быстро превратился в полноценное спальное место для двух человек. Романтические игры за стенкой от больного старика были бы верхом неуважения и дискомфорта от мыслей о его беспокойстве, поэтому из развлечений оставался только винил и разговоры, которые были не менее приятнее плотских утех. Аккуратным движением руки игла начала своё движение по выбоинкам в пластике, наполняя зал течением нотного стана.

Уверенный и бойкий фа минор начал отбивать свой такт, отражаясь слабыми волнами от ближайшей стены. Казалось, словно атмосфера в зале, наспех переоборудованной в спальню, стала слегка воинственной и не располагающей ко сну, но взамен музыка однозначно задавала темп серьезному разговору, коему вот-вот предстояло начаться. Мужской голос, окрашенный приказным тоном, грамотно вплетался в каждую ноту и не боялся предстоящего фа мажора, зная как с ним быть и как под него подстроиться. Он играл им, играл словно быком на корриде.

- Скоро я устроюсь на работу. Уже подыскал подходящее место неподалеку. Бар, работающий как днем, так и ночью. - с лёгким предвкушением в голове Вернер начал излагать план экономической стабильности.

- Мое зрение хоть и не будет лучше, но врач говорит, что по окончанию моего пиратского маскарада я также смогу работать. - заменив компресс, благоговейно снимающий боль глаза, Олк тут же сильно зажмурилась.

- Только нужно разрешить вопрос с уходом за отцом. Я не имею права приковывать тебя к нему, поэтому полностью подстрою свой график под тебя. - повернувшись на бок, Вернер вновь начал любоваться свой неповторимой богиней.

Любвеобильный Вернер не был лишён чувства прекрасного несмотря на свой темперамент и характер. Он и раньше частенько задерживал взгляд на элегантных движениях Олк, её губах, которые так и манили своей сладостью, на её ловких и ухоженных пальчиках, коими она любила перебирать когда думала, на пряди её волос, которые хаотично и мило спутывались после сна. Таких примеров было множество на памяти увлеченного наблюдателя, к которым то и дело прибавлялись новые факторы восхищения. Всякий раз как Вернер думал, что превзойти идеал нельзя, он переубеждался в этом. Олк была не только красива снаружи, но и внутри. Её внутренний мир поражал Вернера своей разносторонностью и обилием деталей. И нет, это не выражалось в снобизме, высокомерии или же в эгоизме. Олк была невероятно хозяйственной девушкой, не гнушающейся труда и самоотдачи в сторону близких. Вернер всем сердцем желал быть для неё опорой и поддержкой и понимал, что это желание уже не иссякнет.

- Не переживай, мы с Райнхардом очень сдружились. После разговоров с ним я чувствую в нем родственную душу, ровно как и в тебе. – Олк постепенно отказывалась от привычки смолить яд и попадаться на маркетинговые уловки табачников, коих вокруг становилось все больше и больше.

Данный выбор был не только осознанным действием, но и врачебной рекомендацией. Дым от сигарет легко окутывал глазную повязку и не сулил ничего доброго органу зрения, отчего желанное восстановление Олк могло бы замедлиться, но не замедлялось благодаря ее стойкому решению. Во внимание стоило также принять то, что Райнхард не был благосклонен к аромату табака. «Уж некоторым только вложи папиросу в зубы, а там и бутылку надо в руку и девку бесстыдную рядом.» - такое высказывание с негативным окрасом частенько выходило из уст старика, насмотревшегося на фронтовую жизнь и юнцов, что желали разграблять захваченное, нежели защищать то, что им дорого. Первое время Олк не могла свыкнуться с отсутствием табака в своей жизни. Желание покурить стылой хваткой держало все ее тело в нескончаемом напряжении. Пару раз жертве абстинентного синдрома приходило в голову выкурить всего одну сигарету, но постоянный уход за Райнхардом не позволял ей такой роскоши. Никто не без греха, ведь случалось и такое, что пару раз Олк сама забредала в табачную лавку и жадным взглядом выискивала заветную пачку синего цвета. Один раз она ее даже купила и проносила в кармане пол дня, но едва не сорвавшись и выругавшись так, что даже проходящие мимо незнакомцы оторопели, она с размаху отправила такие элегантные, но такие тяжелые для ее нутра кандалы в мусорку. С тех пор обузданное желание Олк постепенно сошло на нет.

- Верн, я давно хотела поговорить с тобой насчет той ночи. – заерзав на месте, Олк старалась подобрать правильные слова, дабы правильно подступиться к интересующему ее осиному улью. – Где ты черт побери взял тот пистолет?

- Я…- момент расплаты за гнусное таинство, проводимое за спиной своей любимой, все же настиг Вернера неожиданно, пускай тот к нему и готовился. – Мне нужно было рассказать тебе раньше. Я не хотел тебя впутывать и на самом деле до сих пор жалею об этом, но я и сам не до конца все знаю.

- Выкладывай. – отвернувшись в сторону, Олк тихо разила смертоносным льдом в каждом своём слове.

- Хорошо. Я все тебе расскажу. – с тяжелым выдохом из уст Вернера полилась история его знакомства с Уотаном Фарбером, а также рассказы в хронологической последовательности являвшие его встречу с «задохликом с семнадцатого», угрозы в отношении множества людей, а также слова старушки, что пролили ему свет на историю парных пистолетов с которых и началась вся эта кутерьма. – Но как видишь несмотря на то, что я не выполнил условие договора с Уотаном, я все еще жив и это никак не дает мне покоя.

Вновь пройдя весь тот путь ненависти, тщеславия и злобы, Вернер ужаснулся тому, кем он был, а также повисшей вокруг него тишине. Игла уже давно прекратила рождать музыку, но даже несмотря на это тишина была слишком тяжелой. Отсутствие звука буквально концентрировалось вокруг ушей Вернера и тягучей патокой притупляло восприятие того, о чем он сам только что рассказал.

- Ты идиот! – вскрикнув, Олк влепила подошедшему к концу рассказчику такую пощечину, что его статный анфас загорелся искорками болезненного пламени, расходящегося по всему лицу.

Но нет, боль была незначительной, ведь нанесший ее человек и близко не подходил к весовой категории объекта насилия. Тут было другое. Боль, начав свои поползновения с лица, не унималась и пиршествовала внутри Вернера, будто изгаляясь над ним. «Видишь, что ты наделал? Ты довел ее до слез, лишил глаза, а отца своего и вовсе почти угробил!» - коварный внутренний голос словно воспрял ото сна из-за прилетевшего удара и начал разбирать своего носителя по винтикам. «Зачем ты принес боль всем тем людям? Как ты можешь сейчас радоваться спокойной жизни, когда сам разрушал ее у других направо и налево? Ты жалок. Ты просто животное, без разбору пускавшее вход сои когти и клыки, даже не задумываясь о последствиях. Ты…»

- Да. И теперь я это понимаю. – стиснув зубы, Вернер залпом опрокинул в себя бокал вина, что стоял на тумбе рядом и едва ли успел «подышать» - Прости меня…

Усилием воли подавив внутреннюю тираду, Вернер обнял Олк, продолжавшую его отчитывать.

- Мы могли бы подумать над этим вместе. А что, если бы ты погиб? Чего ты хотел? Денег? Власти? Забраться на вершину этого мира и увидеть убитых тобой людей у его подножия? Тебе было недостаточно меня и Райнхарда? – Олк не желала слышать ответы на эти вопросы, но все те переживания, копившиеся в ней с той роковой ночи, теперь сами изливались из нее без спросу.

- Стоя на берегу, никогда не понять каково плавать в море. Оно захлестнуло меня так, что я и дом свой позабыл. – прижав Олк к себе ласковым объятием, Вернер разом понял, что должен делать. – Я больше не заставлю вас страдать…

***

Ворота больницы, нередко означающие для кого-то рождение надежды, а для кого-то её утрату проводили очередного пациента за свои пределы. Пол чувствовал себя вполне нормально, но врач и Габи все же настояли на том, что некоторое время он должен наблюдаться, дабы окончательно убедиться в собственном выздоровлении. Понимая собственное положение, окрепший и чудом избежавший серьезных последствий излеченный астматик не стал препираться, но и не стал терять надежду выйти на связь с мамой, что так и не брала трубку. Не смотря на плотный график, Габи самостоятельно вызвалась следить за здоровьем Пола по

выходным, совмещая столь прагматичную процедуру со свиданиями. Само собой напрямую этого сказано не было, но стоило Полу лишь подумать о времяпровождения со своей старой подругой, как по его телу разливалось уютное тепло, вытесняющее насущные проблемы пускай и не полностью, но очень действенно. Программа встреч была запланирована на выходные дни предстоящих недель, а по будням окрещённый чужим именем Пол уже был записан на медицинские осмотры, а также собеседования. Да, некоторый запас средств к существованию был оформлен вынужденному переселенцу на банковскую ячейку с его новым именем, но поиск работы был вызван не беспокойством за финансы. Пол не мог не работать. Оставшись наедине с собой без дела, он точно начал бы пытливо самобичеваться мыслями и идеями последних событий, которые он уже порядком испещрил своим вниманием. Пути решения подвисшего состояния выглядели и дополняли друг друга следующим образом: во-первых Пол должен минимизировать ущерб своему организму путём тренировок и наблюдения, во-вторых он должен как можно скорее наладить контакт с матерью, дабы сообщить о себе и узнать её состояние, в-третьих ему было не по себе от мыслей об убийстве Виджея, собственном "перерождении" и абсолютно безумном и невоплотимом плане Диты, в которой люди рассматривались фигурами на шахматной доске. Эта партия не была ни победной, ни проигрышной. Она была жестокой.

Пройдя через небольшой сквер, Пол, а точнее "Пауль Нойман" решил проверить свое вынужденное место жительства, которое было всего в десяти минутах ходьбы и адрес которого не давал незнакомцу в новом городе никаких предположений о роскошности или ветхости находящихся по ним апартаментов. Окружающий городок был уникальным по меркам стран, где озирающийся родился, вырос, а после переезда работал. Шпили зданий здесь не пытались распороть облака, а люди, прогуливаясь между торговых рядов и кухонь под открытым небом, умиротворенно и неспешно присматривали себе одежду ручной работы, свежие овощи на ужин, а также прочую мелочовку, торгуемую в большинстве своём престарелыми и очаровательными старушками, чей повседневный быт также включал себя работу у прилавка. В родном городе Пола также были рынки с типичным для тех мест контингентом в виде фермеров, бьющих себя в грудь и никогда не признающихся в несвежести своей продукции, даже если она и была таковой, а покупатели всюду видели обман и таскали с собой весы с крючком, дабы при малейших расхождениях тут же победоносно клеймить другого обманщиком. Жизнь в столице, месте, где он учился и работал диаметрально отличалась от созерцаемого им тут. Яркость электронных софитов тут затмевалась фонарям, обвитыми лозами, а модные бутики, бары и высококлассные рестораны не имели ничего общего с привычными способами ведения бизнеса тут. Шагая по оживленны улочкам, Пол тут и там замечал моменты, что вводили его в легкое непонимание. Вот шеф выносит свое блюдо дорогим гостям как будто они родственники, а вот молодая девушка, чей магазинчик больше напоминал цветущее буйство красок, которое она аккуратно подрезала на продажу в виде букетов, чуть дальше старушка, руководящая молодыми внуками, готовит уличный деликатес в огромной круглой печи. Все это было так непохоже на то, что видели глаза забредшего на главную улицу иностранца на протяжении его последних минувших лет. Но анализ, или же скорее адаптация нового места под свои устои была прекращена Полом ровно в тот момент, как его глаза наткнулись на заветную табличку с адресом, прикрученную к фасаду необычного дома.

Небольшой малоэтажный дом с недурным ремонтом встретил своего нового жильца прибранным и ухоженный двориком, в котором кто-то копался.

- Здравствуйте, я.. - занеся руку для приветствия, Пол оборвался на полуслове, ведь его новоприобретенное имя резко вылетело у него из головы.

- Парнишка, а ты должно быть новый жилец? Все документы и твои апартаменты уже готовы. Как обустроишься, заходи на чай. - обаятельная старушка, чей тон был более чем жизнерадостным, вновь натянута рабочие рукавицы и принялась за уборку опавшей листвы.

- Спасибо, я зайду к вам позже. - автоматически произнес Пол и шагнул в светлый коридор.

Атмосфера дома так и веяла уютом и частотой, наведенной здесь совсем недавно. Эта благодатная аура создавалась множеством деталей, вкрапленных то тут, то там и на которые то и дело натыкался взгляд. Осматривая первый этаж, переселенец успел заметить доску объявлений с разноцветными заметками, горшки с политыми и опрятными растениями, а также пару разноцветных мячей, предназначенных для детских игр. Сознание Пола, привыкшее к упадку в родном городке, а также к монументализму и модерну столицы, где он жил последние годы, никак не могло решить когнитивный диссонанс, возникший за время пути в новый дом. На втором этаже Полом были замечены шкодливые дети, играющие в пятнашки, а третий этаж встретил его квартирой, в которой ему и предстояло жить. Не было сомнений, что жилье, всученное Полу в беспамятстве, претерпело ремонт лишь недавно. Мебель, на которой не было ни пылинки, стены, окрашенные в теплые тона, а также стопка документов, ожидающая новосела, были не единственными элементами, привлекшими его взгляд. В углу весьма просторной комнаты стояло, а точнее висело, кресло, прикрепленное к потолку увесистым канатом.

- Инцинат был бы счастлив такой лежанке. - с грустью в сердце, Пол сам уселся на нетипичный для обывателя предмет декора.

Окинув взглядом просторное помещение, не перегруженное излишками, но и не дотягивающее до описания словом "аскетичное", Пол постепенно возвращался к событиям до операции, что своей толщей так и вынуждали забыть обо всем остальном.

- Нужно пройтись. - словно убеждая самого-себя не погружаться в зыбкие рассуждения, которые были обдуманы уже десятки раз, Пол покинул экзотическое плетеное кресло.

У него не было конкретной цели или же маршрута, он просто хотел идти, забивая голову мыслями об окружающем, о том, что не было связано с теми страшными событиями. Надеясь на скорейшее забытие новыми ландшафтами, потерянного вида постоялец чуть было не прошмыгнул через пост консьержа, на котором восседала все та же старушка, что убирала прихожую.

- Мил человек, куда же ты побежал? Багажа то у тебя и не было совсем, откуда ты такой нарисовался? - любопытная дама выглянула из своего "кабинета" и застала беглеца на самом пороге.

- Я...я хотел пройтись... - слегка опешив от потока вопросов, Пол повернулся кругом.

- Уже вечереет, давай-ка лучше чаю попьем. Уж больно интересно откуда ты такой красивый. - улыбнувшись белоснежной улыбкой, удивительной для прожитых лет, смотрительница поманила иностранца пальчиком.

Пол все еще стоял перед выбором проявить себя как учтивого новичка или же невеждой, отвечающего грубостью на доброту. Выбор пал на первый вариант и выдернутый из раздумий малец с лёгкой и виноватой улыбкой прошёл за стол. Келья жизнерадостной женщины выглядела удивительнейшим образом. Через пару шагов он тут же отвлекся от удручающих мыслей. На стенах всюду красовалась ручные коврики, а старенький комод в углу буквально ломился от вышитых медвежат, зайчат, лисят и прочих представителей живности, чей вид не мог не вызывать умиления. Все эти рукотворные жители сказочной страны были разных размеров, а если присмотреться, то были сконцентрированы не только в одном конкретном и как раз предназначенном для них месте, но и по всей комнате.

- Чего стоишь? Присаживайся, чай я уже налила. - энергичная старушка тут же выложила на стол мешок песочного печенья. - Рассказывай откуда ты родом и с чего решил остаться в нашей стране?

В последней фразе не было ни капли упрека или национализма.

- Я…я с запада...из маленького городка. - Пол не сказал всей правды даже Габи и не собирался разбазаривать секрет, в котором сам толком не разобрался.

- Ишь ты какой деловой, ну ладно, на лице твоем написано откуда ты родом. Допытывать не буду. - закончив топить печенье в ароматном чае, бабуля мигом закинула его в рот. - Небось войну ещё крохой застал, коль молодой такой.

Пол не смутился дедукции собеседницы, ибо конфликт с объединением запада и востока эхом доносился даже до отдалённых стран, таких как эта.

- Вы правы. Мой отец погиб на той войне. - отхлебнув чая, сын героя нашел новую причину дабы корить себя и выражалась она в долгом непосещении упокоившегося родителя.

- И как же ты сюда попал? Я как бумаги увидела, так и не особо поняла. - старушка вновь взялась за очередное сыпучее лакомство.

- Ну...решил поменять жизнь...здесь работает мой друг. - обобщённые фразы казались Полу достаточно вежливыми.

- Юлишь и юлишь. Да втрескался ты, вот и сидишь пунцовый. - расхохотавшись, домоправительница озорно подмигнула. - Сидел весь белёсый, а как про друга заговорил, так щеки кровью налились.

Пол и вправду погрузился в мысли о Габи и о том, что им предстоит новая встреча. Если страну происхождения Пола можно было легко узнать по акценту и вводным данным, то с его собственными чувствами, в которых он даже себе признался не до конца, все обстояло куда сложнее.

- Да...и в правду...а вы здесь хозяйка? - влюблённый резко обернул ход диалога на сто восемьдесят градусов.

- Я тут и уборщица, и консьерж, и домовладелица, а времени все равно хоть отбавляй. - трудоголичка кивком указала на вязанный зоопарк за своей спиной. - И как тебе наш городок? Понравился? Да и где ты пропадал столько времени? Уж я тебя заждалась уже. Где это видано - оплата есть, а жильца нет.

- Я обследовался и только-только выписался. - тут Полу не пришлось использовать недоговорки. - Ваш город успел удивить меня своей дружелюбным антуражем. Тут везде так?

- Везде. - не моргнув и глазом, многофункциональная работница без сомнений подтвердила факт. - Люди здесь добрые и общительные, семьи крепкие, а дети бойкие, но воспитанные.

Пол искренне восхитился таким высказыванием патриотизма.

- Энергия вашего города совсем не похода на ту, что течёт по улочкам моей родины.

- Так тут и удивляться нечему. - осушив свою кружку, проницательная дама взялась за спицы и неоконченного львенка. - Ты хоть и не воевал на фронте, но тоже застал упадок военных и разруху послевоенных лет, так что должен понимать, почему здесь все иначе. Война озлобляет людей и не важно, проигрывают они или же побеждают. А тут её и отродясь не было. Тут не было осиротевших детей, разбитых семей, людей, готовых пойти на преступление ради крохи хлеба, а также политиков, обдирающих всех кроме себя до нитки ради надуманного блага, которое люди не увидят никогда.

- Тот конфликт был жестоким, но новое правительство желает лучшего...

- Наивный. - лёгкая улыбка не сходила с уст прозорливой бабушки. - Порядок не создаётся войной. Ею создаются деньги. Так было и будет, а все остальное это всего лишь ширма из лжи.

Пол молча внимал словам собеседницы и интерпретировал их на себя. "Что было бы, если бы война не началась? Отец бы и дальше был со мной и мамой, а следовательно, и мама бы не просадила здоровье, убиваясь горем. Наверняка я работал бы где-то рядом с отчим домом и никогда не попал бы в Мастер Индастриз. Так Виджей был бы жив, а я не находился бы в чужой стране, с чужим именем и неизвестной судьбой." - короткое размышление, породившееся в голове Пола после слов собеседника, имело место быть.

Но чужестранец, потягивающий чай, отлично понимал, что корить прошлое бессмысленно, ведь его не изменишь, а даже если и можно было бы, кто знает, как могла повернуться судьба.

Ещё немного растянув беседу, перешедшую в более позитивное русло, новые знакомые решили закругляться. На это им намекнуло солнце, практически полностью сокрытое близлежащим зданием. Тепло распрощавшись с новой и весьма приятной знакомой, Пол отправился в своё жилище, отчасти напоминающее ему пристанище его рабочих будней. В коридоре суетились люди, но выделяющийся гайдзин не разделял их спешки. У него не было дел, планов, а также необходимости прибыть завтра на рабочее место, где работа могла бы отвлечь его. Хотя, это было не совсем правдой. Ещё будучи в больнице Пол успел присмотреть для себя временное место труда как раз по своей специализации. Журнал вакансий был целенаправленно куплен им ещё в больничном киоске, а вакансия "Логист перевозок" тут же бросилась в глаза. Это была судьба, которой Пол не стал препятствовать. Собеседование было назначено на завтра, поэтому кандидат с ценнейших опытом не стал вновь вникать в рефлексию, а просто пошел спать.

"Не думаю, что смогу уснуть без брыканий Инцината." - едва успев поразмыслить, Пол тут же провалился в сон.

Он устал. Устал от мыслей, ощущений и домыслов.

Встав на утро, и вновь поняв, что все это не сон, чужеземец по обыкновению надел деловой костюм и вышел из просторной, но это этого такой пустой комнаты. "Бабулечка", а именно так соседские дети называли домоправительницу, вновь была занята бытовыми обязанностями и кутерьмой в своём садике. Сейчас времени на чай не было, поэтому поприветствовав друг друга кивком, новоиспеченные собеседники наверняка вернутся к диалогу позже, но пока им было не до этого. Несмотря на тревожный сон, Пол выглядел безукоризненно. Белоснежная рубашка, накрахмаленная в лучших традициях минувших писков моды, брюки и пиджак, сидевшие как влитые, а также элегантная бабочка в крапинку, не имеющая под собой каких-либо подтекстов и смыслов, отлично дополняли впечатление о профессионализме кандидата, которым он поистине обладал. Наряд был свеж, а погода на улице благоволила к прогулкам, в связи с чем Пол, по обыкновению выйдя заранее, решил пройтись по чудным улочкам города, который числился в его документах родным, но таковым не мог бы стать никогда. И он не прогадал, ведь на главной улице местечка, где люди не получали похоронки и не грызли ногти под очередной радиоэфир о войне, проходил осенний фестиваль. Повсюду виднелись разноцветные крыши передвижных ларьков с закусками, а со стороны сцены доносились народные песни, под которые местным так и хотелось пуститься в пляс, в чем они себе не отказывали. Народные костюмы, состоявшие в основном из ярких цветов, дополнялись вплетениями разноцветных ленточек, среди которых Пол в своем костюме выглядел тусклым, но самодовольным снобом. Ему не нравилось это ощущение, но отделаться он от него не мог. «Мрачное нелепие посреди яркого праздника.» - проскочило в голове парня, чья ладонь против его воли оказалась в чей-то нежной, но при этом сильной пятерне. Метек и сам того не заметил, как ноги отнесли его ближе к этому буйству радости, что было ошибкой или же проявлением его подсознательного желания.

- Идем танцевать! – молодая русая девушка, примерно того же возраста что и Пол, без стеснения и смущения повела его за собой.

- Что? Нет…я же… - перебирая ногами как исхудавшая кляча, бельмо праздника безуспешно пыталось пятиться.

- Идем же! Ты тут один стоишь, а остальные танцуют! – лучезарная девичья улыбка тут же сменилась затылком, за которым мелькал центр площади.

- Я не могу! Я не умею танцевать. - немного дав напора в голос, Пол все сильнее пытался вырваться.

- Не бойся! Я поведу! – бойкая и скорая девушка уже добилась своего, достигнув центра сцены.

И тут со сцены зазвучало что-то отдаленно напоминающее вальс, но настолько разбавленное народными инструментами, что казалось, будто это и не он вовсе. Пол привык к оперному исполнению таких композиций, но он никогда не слышал, что бы их играли гармошки, бубны, а также другие инструменты, которые нельзя было бы услышать в классической музыке. Оглянувшись по сторонам, затянутый в вихрь кутерьмы странного вида парень наконец-то понял. Это белый танец. Вокруг с все большим напряжением и темпом носились другие молодки, чей кавалер так и не мог найтись. По всей видимости время шло на секунды.

- Иииии…Поехали! – незнакомка тут же положила руку чужака себе на талию, а другую вытянула вслед за своей.

И парочку новообретенных партнеров будто бы подхватил ветер. Пол и не догадывался об особенностях этого народного увеличения, но к собственному удивлению его движения попадали в такт девушки, которая уверенными движениями сама болтала его тело из стороны в сторону словно опытный кукловод, не нуждающийся в нитях. Шаги пары не путались, а движения её рук были слаженны и точны, отчего белой вороне в коричневом пиджаке даже не приходилось думать, что делать дальше. Зайдясь в азарте, девица все ближе и ближе принималась к своему временному кавалеру, а её по началу кокетливые отступления превратились в целые пируэты. Музыка омывала толпу пьянящими волнами задора, не обойдя стороной и Пола, который также включился в процесс. Поняв основные движения, он хоть и слегка косолапо, но все же очень самоотверженно закружил разгорячившуюся партнёршу под звуки раздающейся кульминации. "Меня не тянет на кашель...я так давно не брал в руки ингалятор..." - с отстраненностью и словно чужим голосом прозвучала фраза в голове мечущегося в танце парня, коего не должно было тут быть. И именно в этот момент прозвучал финальный аккорд. Толпа взорвалась овациями и трепетом друг к другу, в то время как по самому её центру стоял Пол и лишь сейчас понял своё освобождение.

- Ты обманщик! А заливал, что танцевать не умеешь. - русая девушка ткнула Пола в щеку.

- Я и вправду не умел. - растерянность читалась на лице Пола как с листа бумаги.

"Я не умел жить." - мысленно про себя продолжил импозантный танцор, даже не подозревающий о своем таланте.

Он боялся этой мысли, но понимал - мир слишком необъятен и огромен, дабы просто существовать в нем. Он понимал это набивая пальцем ритм под очередную джазовую пластинку, он догадывался об этом, когда раз в полгода к нему в руки попадала дорогущая поваренная книга Виджея, он до ужаса боялся понять, когда видел могилу отца и состояние матери. Он до истерики не хотел понимать, когда задыхался в припадке удушья. Но сейчас он...нет...он не просто понял до конца, но и принял эту идею. " Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Не лучше ли тогда не делать ничего?" - именно эта философия укоренилось в голове беззащитного и такого слабого Полика ещё в детстве. Вышестоящая должность равна большему шансу ошибиться, а смена работы - ещё большему шансу остаться в дураках. Отношения с женщинами также создавали риск утраты, который легко закрывался бездействием, а пополнение списка друзей по интересам нередко чревато ошибками. Возможно, их дружба с Виджеем была ошибкой, но кто сейчас мог бы все изменить? Уже никто.

- Это тебе. - девушка, рассмеявшись и раскрасневшись, водрузила на голову Пола плетеный венок ярко красного цвета. - Как тебя зовут?

- Спасибо. Я Пол...Пол Хендерсон. - без времени на размышления ответил осознавший себя иностранец.

- Какое чудно́е! Ещё увидимся, Пол! - убегая в сторону толпы шушукающихся девушек, молодка махала рукой.

- А твое имя? - но оставленного в одиночестве танцора-новичка уже не могли услышать.

Окинув площадь взглядом, увлечённый танцами и празднованиями парень, чей внешний вид теперь напоминал помесь из классики и национального костюма, наткнулся взглядом на городские часы, которые лишь в него вселили лёгкую тревогу и желание поторопиться. Остальные никуда не спешили, ведь по всей стране в честь празднования был объявлен традиционный выходной.

Толпящиеся у ларьков люди охотно пропускали выделяющегося пришельца и не выказывали ему пренебрежения. Лавируя меж цветастых нарядов, Пол уже заметил здание с вывеской, обозначающей его возможное место работы. Это строение, как и все остальные в городе не вызвали к духу гигантизма и колоссальности, но имело свой вкус, а также временные украшения в честь празднования. Не мудрено, ведь контора по перевозкам находилась на красной линии главной улицы. Зайдя в искомое местечко, стажер, опыта и знаний которого хватило бы выполнять здесь работу начальника, обнаружил лишь пустые рабочие места, а также парнишку лет восемнадцати, стоящего на стойке приёма.

- Вы Пауль Нойман? Здравствуйте! Добро пожаловать в компанию "Венто Велос"! - стройный хостес был бодр и искренне позитивен в своём приветствии.

- Да...добрый день. - Пол находился в некотором недоумении от того, что назначенное ему собеседование проходило в праздник.

- Пройдемте. Мистер Лоретти ждет вас. - выйдя из-за стойки, молодой сотрудник тут же повёл Пола к непримечательной двери.

Кабинет местного начальника был невероятно далек от кабинета Дирка Майстера как в плане роскошности, так и размеров. Простенький ремонт, небольшой стол и офисное кресло, а также грамоты на стенах и семейное фото, где помимо улыбающегося гендира в его окружении была привлекательная женщина и трое похожих как две, а точнее три капли воды мальчугана, без пафоса наполняли помещение в тринадцать квадратных метров.

- О, а вы как раз вовремя! Должно быть вы Пауль? Рад приветствовать в "Венто Велос". Я руководитель компании, мое имя - Лоретти Илэрайо. Приятно видеть вас. - мужчина с пышной бородой и маленькими глазками тут же пожал руку на толику смущенному Полу.

- Здравствуйте. Да, это я. Взаимно рад знакомству. - поддержав разговор, кандидат тут же опустился на стул, который ему пододвинул руководитель.

- Вы тоже с праздника? Отлично! Тогда нам стоит поскорее закончить с делами и вновь вернуться к нему. - взяв в руки резюме сидящего на против парня, Илэрайо просто положил его на стол.

- Прошу прощения, забыл... - тут же дернувшись к венку на собственной голове, Пол был тут же остановлен.

- Постойте, давайте лучше так. - бородач, чью улыбку было едва видно через пшеничные усы, тут же надел на себя собственный венок, но уже зелёного цвета. - Танцевали с женой так, что я чуть не забыл про время, а дети так вообще тянули в разные стороны от ларька до ларька.

- У вас чудная семья. - разглядывая повешенную на стену фотографию счастливых людей, Пол неосознанно улыбнулся.

- Спасибо. Мои орлы да жена все еще где-то на фестивале, но работа тоже важна! - почесав бороду, почётный семьянин тут же сложил руки на стол. - Ну чтож, к делу. Расскажите о себе.

Атмосферы скованности, которая ожидалась от такого мероприятия не было и в помине, в связи с чем Пол с некоторой утайкой обозначил свой опыт работы в крупной транспортной компании запада, не упоминая её имя, рассказал о выполняемых им задачах, а также о хобби и том, почему его внешность теми или иными элементами отличалась от вида местных. История о иностранном происхождении его родителей и текущем возвращении к корням по бабушкиной линии была лишь слегка дополнена последним приукрасом, что не вызвало сомнений у интервьюера.

- С уверенностью могу сказать, что вы нам подходите, но учитывая ваш опыт мне хотелось бы назначить вас не простым специалистом, а менеджером по корректировке путей следования. Вы будете получать более весомую зарплату, а также ваш график будет относительно свободным. Я вижу в вас потенциал, но учтите - на этой должности вы можете сами уходить пораньше если выполните план или будете обязаны задерживаться, если не укладываетесь в него. - резолютировав своё мнение, директор ожидал ответа от соискателя.

"Я не буду бояться ошибок. Я хочу бóльшего. " - произнеся мантру в своей голове, вступивший на новый путь Пол не мог не согласиться. - С радостью стану частью вашей компании.

- Прекрасно! Тогда жду вас после праздников. - встав со своего места, Илэрайо Лоретти протянул руку своему новому подопечному.

Выйдя из кабинета, Пол тут же подписал все необходимые документы на стойке приема и решил дойти до своего рабочего места, номер которого был указан на его временном бейдже. Вот тут роскошь виделась невооружённым взглядом. Большой рабочий стол у окна, а также пара канцелярских ящиков с выдвижными полками были куда комфортнее, нежели те картонные отсеки, где приходилось работать в "Майстер Индастриз". Пол был несказанно рад возможности видеть небо и солнечный свет не только из столовой, где это было роскошью выходного дня, но и прямо тут, где он будет проводить большую часть своего времени. Усевшись на кресло на своем новом рабочем месте, он мысленно вернулся на семнадцатый этаж «Майстер Индастриз». Да, здешние клопфентексты для заполнения листов были далеки от последней модели, но зато уют и простор рабочего места с легкостью компенсировали технологическое упущение. В подвластном Дирку Майстеру мирке все было выстроено в угоду отсутствия отвлекающих факторов для пчелок тружеников, чьей задачей было не беззаботное жужжание, а исключительно работа. Логичный подход любого руководителя, да только вот ровным счетом все выходило точно да наоборот. Высокие стенки индивидуальных рабочих отсеков не позволяли быстро обмениваться информацией с соседом, от чего даже маленькая просьба попросить канцелярию превращалась в путешествие либо до складов на технических этажах, либо, как это обычно и бывало, до соседнего отсека, где беседа затягивалась сама-собой. Как-то раз, когда выученный теорией, но не подготовленной практикой юнец Пол Хендерсон только устроился в столь престижное место и был невероятно горд собой, к руководству этого эдема еще поступали заявления об организации мест отдыха на каждом этаже. Само собой такую идею забраковали с простой формулировкой: «Нет необходимости делать комнаты отдыха на каждом этаже, ведь они будут притягивать к себе работников, что могли бы потратить это время на более полезные для компании вещи. Мы выполняем требования трудового законодательства и уважаем наших сотрудников, поэтому в обеденный перерыв для них всегда работает первоклассная столовая.». К подобному тезису было не придраться, однако сколько же важных документов заливалось содержимым кофейных кружек, стоящих на рабочем столе каждого, было не счесть. Прием пищи на рабочем месте был под строжайшем запретом, но кто мог бы отказать себе в кружечке бодрящего напитка, который был сопряжен с рисками залить какие-то там бумажки. Кто-то умудрялся даже приносить еду из дома и неспеша перекусывать прямо во время заполнения бумаг. Истории возникновения жирных пятен на бумагах ни у кого уже не создавали вопросов. В погоне за эффективностью терялось то, что называлось человеческой самоидентичностью, но самовольные бутлегеры были во все времена, поэтому кто-то даже умудрялся не выходить из рабочего отсека весь день, дабы создать статус увлеченности работой. На самом деле все это было нужно для спокойного опохмеления и дальнейшего сокрытия дыхания, к которому лучше было не подносить огонь. Корпоративный устой, сминающий под себя людей на всеобщее благо, по итогу всего лишь наводил их на остроумные способы обхода самого себя.

- Цирк. – ни с того ни с сего тихо выдал Пол.

Нет, ему самому было не сложно следовать правилам установленными компанией. Если так задуматься, то высокие стены рабочего места не давали отвлекаться на болтовню коллег, а также исключали путаницу бумаг и канцелярских принадлежностей. «Ой, а одолжи мне свой штангенциркуль.» или «У меня опять потерялась кнопка на машинке, дай свою запасную.» - именно эти и ворох других похожих фраз запускали путаницу в рабочем процессе, где особо ушлые утаскивали избытки канцелярии домой, а слишком доверчивые были вынуждены спускаться на склад и умолять выдать им пятнадцатое на неделе механическое перо. Запрет на прием пищи на рабочем месте тоже казался разумным. Все началось с того, как пятно от чьего-то наскорь разогретого супа просто смазало номер ворот, к которым нужно было подвезти огромную партию рыбы. Не трудно догадаться, что по вине жирной кляксы водитель припарковался у совершенно неподходящего выхода и вся рыба уже успела обзавестись легким запашком. Тогда сам Дирк рвал и метал все отделы, и местные «полицаи» в виде начальников подразделений целый месяц самолично критиковали и срезали плату всем, у кого в личной коробченке по несчастливым обстоятельствам находилось хоть что-то съестное. Откровенно говоря, теперешний сотрудник «Венто Велос» с усмешкой и иронией смотрел на эту часть своего прошлого. Наезднику никогда не объяснить свою торопливость лошади, в то время как она сама никогда не передаст наезднику привлекательность жевания клевера в сравнении с галопом по пыльной дороге. Это недопонимание длится уже не один век.

Закончив разглядывать и анализировать свое новое пристанище, Пол уже было потихоньку возвращаться домой, но выкрик с другого конца зала вызвал у него едва заметное вздрагивание.

- ДА ЧЕРТ БЫ ТЕБЯ ПОБРАЛ, Я НЕ ПОНИМАЮ ЭТОТ ИДИОТИЗМ! – чей-то молодой, но очень яростный голос разорвал спокойное размышление нового сотрудника по корректировке путей следования.

«Что за бешенный тип там кричит?» - с оттенком страха промелькнула мысль в голове автоматически осунувшегося Пола.

Он не хотел выяснять кто и по каким обстоятельства вынужден так вопить, но что-то внутри него подсказывало, что стоило бы получше разобраться в этом вопросе. Возможно, это был только-только проснувшийся в нем дух человека, который не только не боится ответственности, но и сам готов искать ее, не просто ради денег или звания. Ради роста над собой. Ради себя. Переборов первобытный страх неизведанного, добытчик испытаний на свою же голову уверенно поправил свою чуть накренившуюся бабочку и бодрым шагом поспешил на звук. Долго искать не было нужды, ведь большинство рабочих мест было свободно от своих обитателей и лишь пара трудяг, среди которых и оказался источник шума, то ли с раздражением, то ли с смиренным благоговением сидели, уткнувшись в бумаги. Парень на пару лет младше Пола сразу привлек его внимание. Блондин с длинными вьющимися волосами явно не просто работал, а проводил какой-то обряд. Стуча карандашами словно барабанными палочками, он то и дело приближал свое лицо к лежащему прямо перед ним путевому листу и тут же отдалял его, дергая им так, словно по нему уже пустили ток. На его столе был во истину творческий беспорядок под стать молодому и эпатажному меломану. Пол сам вывел это забавное наблюдение основываясь на ритмичном стуке карандашей в руках незнакомца, а также в четкой дроби, исходившей от топота одной из его ног. «Ударные, да еще и такой взбалмошный внешний вид. Он явно должен зажигать на сцене под рев толпы, а не сидеть за бумагами под стук часов. Как он тут вообще работает?» - возмутился Пол, но сразу же отбросил предвзятость и просто присел рядом с затухающей или все же еще не до конца обретшей свое сияние рок-звездой.

- Что у тебя стряслось? – стараясь вывести своего коллегу из своеобразной мантры, Пол приветливо улыбнулся.

- Да твою же мать. Я никак не понимаю этот чертов маршрут. – даже не взглянув на своего потенциального спасителя, выразительно выругался бойкий сотрудник.

- Я новый сотрудник по корректировке путей. Давай я посмотрю твои варианты. – поставив свою худую руку на бумаги, старший по должности лишь так смог привлечь внимание неугомонного юнца.

Вскинув свое лицо прямиком в сторону пришельца, нарушитель всеобщего спокойствия тут же тряхнул совей внушительной челкой, из-за которой показался один зеленый глаз. В его переливах не было жестокости, в нем просто читалась раздраженность и усталость, которая никак не коррелировалась с энергичностью движений смотрящего им.

Немного приведя в порядок излишне разрозненные схемы и таблицы, Пол тут же включился в работу, в которой он был воистину грациозен и профессионален. Его глаза стали неумолимо подмечать детали и особенности ландшафта, более прагматичные и выгодные пути следования, маршруты другого транспорта, чей путь пересекался с задуманным, а также кучу других деталей, которая никак не могла укрыться от его прозорливого ока. Взяв в руки карандаш и чистый лист, маэстро приступил к анализу пути, составленного непоседливым работником.

- Изначально тебе следует понять какой груз и куда тебе нужно перевести. В твоем случае это достаточно капризный груз. Это видно по маркировкам, указанным вот тут. Конечная точка находится в горах на юге. Не следует сильно сокращать путь в угоду времени, ведь дорога, выбранная тобой, однозначно является неплохим маршрутом для чего-то менее щепетильного к тряске, но в данном случае лучше выбрать полотно посвежее, нежели то, что видело ремонт еще когда тебе было лет пятнадцать. Вот здесь есть неплохой объезд, однако стоит учитывать риски. Партия достаточно большая, небольшим грузовиком тут не обойтись, поэтому стоит учитывать усталость водителя за весь проделанный путь и не выбирать ему дорогу с крутыми подъёмом. Несколько десятков тон железа не так-то просто дергать в пробке, так еще и при наклоне. По итогу у нас остается один путь через туннель. Да путь будет чуть более длинным, зато ни груз, ни срок его доставки не будут страдать. – завершив свой залихватский урок подопечному, мастер положил карандаш на стол так, как опытный самурай вгоняет катану в ножны.

- Ты...Да ты гений! - сверкнув оскалом сквозь длинные пряди волос, озадаченный парнишка кажись забыл как дышать от столь лаконичного решения своей проблемы.

- Со временем ты наберёшься опыта и может быть превзойдешь меня. - с лёгкой улыбкой на лице Пол внутри себя больше сетовал на то, что столь энергичному и творческому кадру место на аллее музыкальной славы, нежели в столь "сухом" местечке.

Войдя в раж, супергерой "Венто Велос" не отошёл на заслуженный отдых, а стал интересоваться жизнью остальных своих коллег активнее, чем когда-либо. Приветствия и последующие знакомства давались ему не так уж и просто, но отчаявшийся просидеть весь праздник в офисе люд с большой заинтересованностью и дружелюбием обращал своё внимание к высокопоставленному новичку. Всех этих утомлённых неволей мучеников на работе удерживали лишь одно, а именно - необходимость сдачи самых срочных проектов. Стоило учесть, что большая часть нового для Пола коллектива отсутствовала именно в виду праздника, что для того же Дирка Майстера было бы недопустимо. "Будучи увлеченным работой, не стоит откладывать семью на второй план, но также стоит учитывать то, что её нужно на что-то кормить." - именно таким философским высказыванием выразился только один закоренелый сотрудник, что не нуждался в помощи Пола и просто вышел сверхурочно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.